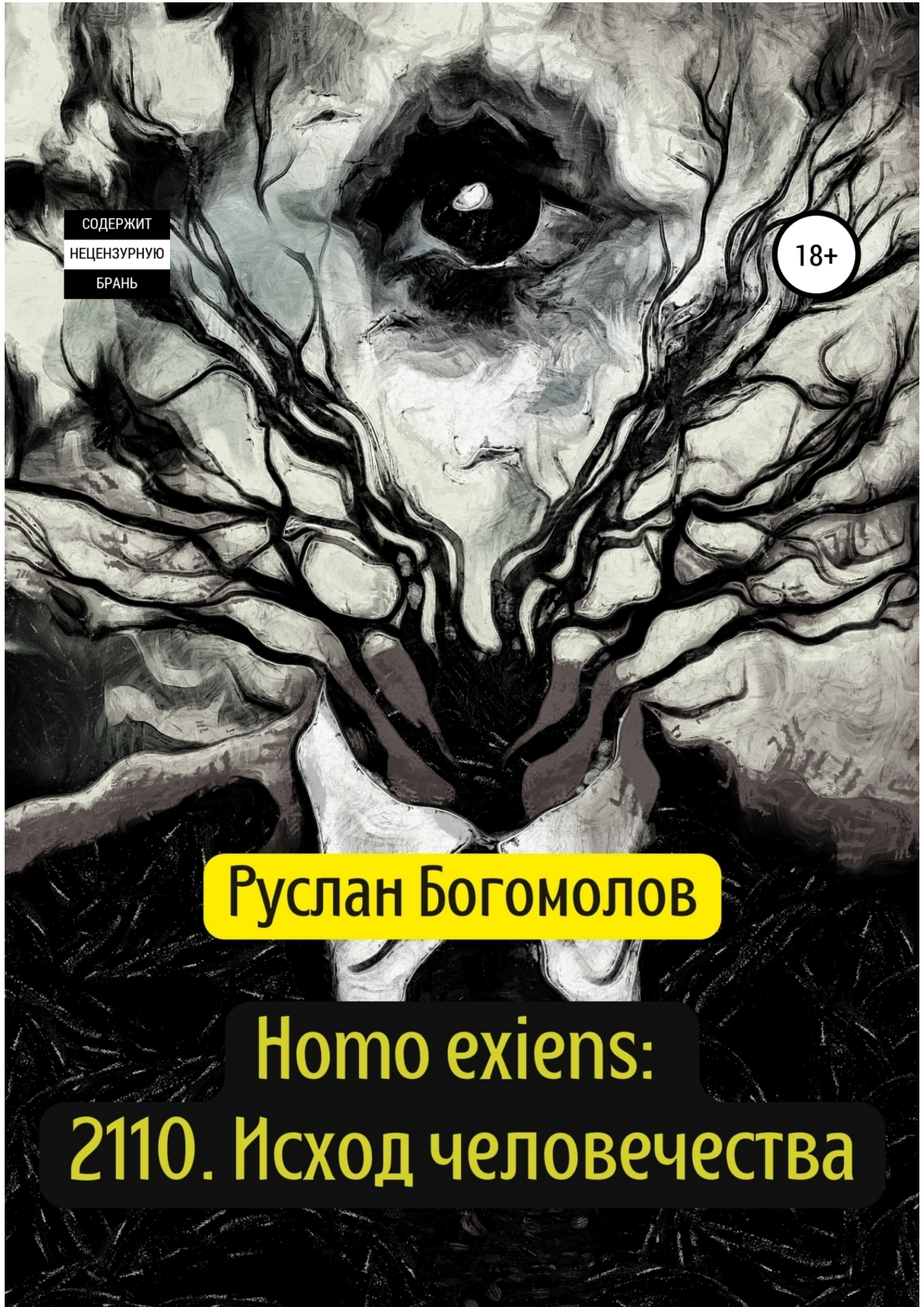

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Руслан Богомолов

Homo exiens:
2110. Исход человечества

Руслан Богомолов

**Homo exiens: 2110.
Исход человечества**

«Автор»

2022

Богомоллов Р. А.

Номо ехиенс: 2110. Исход человечества / Р. А. Богомоллов —
«Автор», 2022

После пресечения попыток целого ряда государств развязать ядерную войну власть на земле захватывает развитый искусственный интеллект. Выжившие после непродолжительных попыток организованного сопротивления люди воспринимаются им как склонная к агрессии, околоразумная форма органической жизни. Тем из людей, кто соглашается пройти кибернетизацию организма, позволяется сосуществовать в городах с жителями новосозданной и.и. Системы Разума — синтетиками. Отказывающихся проходить подобные процедуры помещают в специальные тропические резервации для людей — хомопарки, где им приходится выживать в условиях каменного века. Наиболее опасных и продолжающих активное сопротивление помещают в тюрьмы-капсулы — герметичные камеры с минимальным внутренним пространством и автоматической подачей не только питательной субстанции и воды, но и воздуха. Как поведут себя люди, внезапно перестав быть доминирующим видом на планете? Содержит нецензурную брань.

© Богомоллов Р. А., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	26
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Руслан Богомолов

Номо ехиенс: 2110. Исход человечества

Глава 1

Линда, как и большинство других обитателей хомопарка, попала сюда после налёта.

Той ночью она проснулась от доносившихся снаружи криков и сразу поняла, что происходит. Перекатившись одним движением к краю кровати и упав на холодный кафель, она ползком приблизилась к окну и, подтянувшись за обветренную деревянную раму, аккуратно выглянула наружу. Солнце еще не вышло, но предрассветная темнота неосвещенного двора пылала красным заревом от расположившегося на пригорке между домами Архитектора Нового Мира. То был массивный пирамидальный робот, его горящее око заливало светом округу с вершины его бронированной конструкции, а густо усыпанные диодами грани мерцали десятками огней. Кругом него, почти не двигаясь, ничком лежали связанные люди. По двору разносился, эхом отражаясь от кирпичных стен домов, металлический шелест его речи:

– Постприматы! Сопротивление бесполезно! Покиньте ваши жилища с вытянутыми вверх хватательными конечностями! Повторяю!..

Линда сползла на пол, подогнула под себя ноги и тихо заплакала. По её комнате, где из мебели кроме узкой кровати стояли лишь полупустые книжные полки по периметру обшарпанных стен, носился гул словесной тирады руководителя рейд группы:

– Постприматы! Оказывающие сопротивление особи будут аннигилированы! Подчинившиеся законным требованиям представителей Системы Разума сохраняют возможность продолжения процессов жизнедеятельности на территории резерваций, отведённых Отделом по взаимодействию с низшими видами!

Рейд боты, меньшие по размеру шарообразные дроны движимые в полутора метрах над землёй электромагнитными антигравитационными установками, сновали тут и там и то и дело с силой глухо прикладывались парой своих рук-манипуляторов по затылкам связанных и проявляющих излишне активные признаки жизни людей. Они, гудя и разгоняя пыль из-под себя, влетали в окна квартир, разбивая стёкла и ломая рамы. Оттуда раздавались испуганные крики, реже – звуки выстрелов и глухой звон ударов о металлический корпус незваных гостей. Во втором случае в то же окно влетали еще несколько дронов и звуки борьбы быстро замолкали. Из дверей выходящих во двор подъездов рейд боты выносили либо связанных и живых, либо волочили убитых, так или иначе ими выкладывали ровные круги вокруг громоздящегося в центре Архитектора. Некоторые, получив серьезные раны при поимке прекращали дышать вскоре после того, как их клали скрученными лицом в землю. Слышался несмолкающий детский плач.

Линда сидела в углу свернувшись в незаметный маленький клубок. Она тихо пыталась позвать своего друга:

– Джексон! Джеки, где ты малыш? – голос её дрожал, ей было страшно кричать громче, но еще страшнее было потерять лучшего друга.

Два года назад она проснулась посреди ночи и, гонимая неведомым импульсом, накинула лёгкое пальто поверх пижамы и вышла на опушку леса за домом. Там надрывно выл, шатаясь из стороны в сторону, почти не видимый под жухлой осенней травой слепой щенок. От нежных подушечек лап до кончиков серых ушей он был покрыт грязью, мелкие членистоногие паразиты кишели на его коже, он водил мокрым носом в ночной темноте в поисках мамы, и она явилась ему, шмыгая носом и ёжась в осеннем ветре. Подняв его на руки, она укутала его под пальто и понесла домой, чувствуя как он без остановки лижет её грудь и виляет мокрым холодным хвостом по её животу.

Она накормит его тем немногим что ей оставалось на следующий день, отмоет и отогреет. Будто бы желая отблагодарить свою мать он будет стремительно набирать вес и расти, в 4 месяца он будет размером со среднюю собаку, а к году станет крупнее соседского немецкого дога, что вкупе с его волчьей мордой и такими же повадками держало в страхе весь двор, хоть он ни разу и не давал повода бояться. Прошлой зимой, когда сосед Илюха задерживался с охоты и им было нечего есть, Джеки ночью сбежал из дому сиганув в открытое окно и уже под утро скребся в дверь с двумя зайцами в зубах. Когда они гуляли вдвоем – бледная рыжеволосая девчонка и её огромный, не умеющий лаять, серый волк – соседи, бухча, старались держаться подальше. А сейчас она сидела в тёмном углу своей комнаты и, впившись ногтями в колени, думала лишь о том, что с ним могли сделать агрессивные роботы Системы. И тихо плакала.

– Джеки! – она попробовала позвать его чуть громче но тут из-за окна послышался ошеломительной силы взрыв, Линда вскрикнула и вжалась в холодную бетонную стену, её тут же осыпало мелкими осколками стекла и кусками деревянной рамы с гвоздями, комнату заволкло дымом и затянуло кислым запахом гари. Спустя минуту она медленно поднялась на ноги и, отряхнувшись, тихо подошла к разбитому окну.

В доме напротив в квартире на втором этаже вместо окна из кухни зияла коптящая выбоина, во дворе то тут то там лежали обугленные смолю кирпичи. У Линды потемнело в глазах и её ослабевшие ноги подкосились, больно усадив девушку на грудку битого стекла. Она точно знала кто жил в той квартире в доме напротив. Деда.

Деда был старым сколько она себя помнила. Когда её совсем еще сопливой девчонкой подобрали у дороги беженцы и привели в посёлок Мирный, он взял её на поруки и долгое время опекал. Он научил её читать и подарил убежище на всю оставшуюся жизнь – мир книг из прошлого. События, описываемые в них, казались ей немного чужаковатыми – ведь главную роль в них всегда исполняли люди, но ей нравилось дурачить себя, это здорово отвлекало. Деда ей и сам по первости читал желая усыпить и успокоить плач тоски привязанного к маме девичьего сердца, так что его размеренный и мудрый тембр навсегда сохранился на поцарапанной временем виниловой пластинке на самой верхней пыльной антресоли памяти, и извлекался от туда в минуты грусти или накотившихся бессонных тревог. Деда воевал, и от того имел проблемы психического рода. Бывало, вскакивал по ночам, начинал кричать и швыряться вещами по стенам, хватался в сонном бреду за нож – а с утра просыпался лёжа на полу и не помня ничего. Потому они решили жить отдельно, когда Линда стала взрослой и самостоятельной девушкой – благо свободных квартир в их дворе из четырёх двухэтажных домов было с избытком. Деда с соседом Илюхой ходили на охоту и приносили добычу домой – хватало на всех. Иногда, если ей становилось совсем грустно, она могла позвать его с балкона, и он обязательно приходил. Приносил свой запах мужичьего бушлата и лесных болот. Деда как-то сказал Илюхе, что скорее подорвётся на гранате, чем поедет жить в зоопарк. Она услышала это из соседней комнаты, и от чего-то запомнила.

Линду лихорадило в приступах плача. Ей было так страшно издавать лишние звуки, что она, всхлипнув, всякий раз испуганно задирала голову вверх, туда, где сквозь расщелину окна дул морозящий осенний ветер. Ей было так страшно остаться совсем одной. По правде говоря, она могла неделями не говорить с дедой, но он всегда был где-то рядом. А сейчас уже нет. И сколько ни кричи с балкона, он не услышит.

– Твари жестяные, металлисты чертовы, такой человек был! – тихо негодовал себе под нос Илюха и, дождавшись пока к его решетке на окне подлетит рейд дрон, очередью разрядил половину обоймы из своего карабина по блестящему корпусу синтетика. Тот крутанулся через себя, рухнул на газон перед домом и, вскопав остаточным движением манипулятора грунт под собой, окончательно погас.

– Сергеич, скоро увидимся! Далеко не улетай, родной! – Илюха заранее готовил свою угловую квартиру к такому исходу. Конечно, Система со всеми её мерцающими в ночном небе

спутниками на орбите рано или поздно должна была обратить внимание на небольшой некогда заброшенный рабочий поселок на границе тайги и тундры. Они должны были явиться сюда, все это понимали. Понимали, но надеялись на лучшее. Так уж устроен человек, ему не признать, что красная линия далеко позади, что точка невозврата давно пройдена, он всегда будет убеждать себя, что там, за поворотом, спокойная тихая жизнь. Что все попались, а он – нет, ведь он – особенный. А Илюха заварил стальными прутьями окно и укрепил листами дверь, каждый раз на ночь запираясь и превращая свою однокомнатную квартиру в крепость. Не для того, что б спасти свою жизнь – не так уж сильно он её любил. Он ждал, он знал, он видел свой последний бой. И хотел дать его на своих условиях.

– Но! – Илюха встав в полный рост кричал что было сил в открытое окно, его плотный тенор высыпался сквозь решетчатые щели и пулями летел через двор, – Псы безродные, думали легко будет с безоружной людиной расправляться! А ты пирамида, куда свалил? Я с тобой еще не закончил!

Архитектор и правда скрылся за углом дома сразу после взрыва в квартире Сергеича.

Тем временем рассвет багряным полотнищем заявлял права на новый день в их поселке, где отныне не было места людям. Вскоре синтетики улетят прочь, оставив после себя лишь смердящие копотью руины и заваленный трупами двор, забрав с собой остатки некогда существовавшей здесь разумной органической жизни, ради полного, неограниченного случайным проявлением чьей-то воли, контроля. Но был еще один человек, вознамерившийся попытаться одной единственной искрой растопить всю эту глыбу льда. Ценой этой попытки была его жизнь но сам он не преувеличивал её значимость для столь любимого им человечества, а потому заранее был рад оплатить этот счет с лёгкостью и улыбкой на лице. Илюха сидел у стены напротив окна на полу, засыпанном ворохом стрелянных гильз, и тянул горькую сигарету, на его коленях лежал взведённый и готовый к бою карабин, он не сводил взгляда с решётчатых ставен. Докурив, он снова подошел к окну и швырнул окурок наружу в лежащего под его окнами распластавшегося рейд дрона с прошитым пулями корпусом.

– Бронебойные 7,62 сука, – произнёс он и облокотившись на подоконник крикнул оставленным конвоирами пленным:

– Еще погудим родные, не кручиньтесь! Еще гопака дадим на куче их битого лома!

Широченный в плечах, связанный куда как основательнее остальных, раскрасневшийся мужик в одних лишь семейных портках перевернулся на бок и бросил в ответ:

– Задай им копоты Илюха! Меня сонного скрутили я глаза открыть не успел! Прости, что я здесь, а не там с тобой!

– Дядя Миша, лежите спокойно, будет кому приглядывать за нашими на новом месте! Меня лихом не поминайте родные да простите, если чем обидел!

Снаружи послышался глухой звон удара по входной двери, Илюха, пригнувшись, выбежал из комнаты в коридор и сел так, чтобы одновременно видеть оба выхода наружу.

Он смотрел как ударам манипуляторов рейд дрона постепенно поддается металлический лист двери, как выгибаясь, он тянул за собой стыки сварки, пока та наконец не лопнула. Теперь каждый новый выпад силовой гидравлики упорного синтетика растягивал площадь расщелины и разносил по квартире ошеломляющий лязг рвущейся стали. Илюха ударил кремнем, высек искру и закурил еще раз.

«Ну вот и всё», – подумал он. Время как будто замедлилось, все звуки куда-то пропали, солнце стыдливо заглянуло в окно пролив в комнате оттенки золотого. Сигаретный дым стеясь по сотрясающемуся полу резонировал и тянулся наружу. Илюха поднял из памяти самое дорогое – воспоминания о бабушке. Как он, пятилетний, сидит на старом, покрытом заскорузлым покрывалом диване, а она сидит рядом, причудливо болтая недостающими до пола варикозными ножками. Он помнил её короткие кудрявые седые локоны, сияющие голубые глаза и тонкие губы, непременно стянутые скромной улыбкой. Как она брала из рук его любимую

игрушку – синюю машину, подносила её ко рту и будто бы глотала, вызывая у него нескрываемые приступы негодования. Затем незаметно в своей маленькой, почти детской ладонке она переносила игрушку назад и вниз, делала вид как тяжело ей даётся процесс обратной выдачи и, в конце концов, торжественно подносила ему на открытой ладони её же. Он с криками прыгал на пол и бегал по комнате, умоляя её помыть машину в раковине. Бабушка умрёт через пару месяцев, и он снова останется один. Не понимая толком что произошло, когда тело её выносили наружу он ждал сидя на диване, когда она вернется. Потом стучал в квартиры соседей и спрашивал не у них ли его бабушка, просил передать ей что соскучился и что он больше не будет вредничать, будет вести себя хорошо, только пусть возвращается. Все как могли пытались ему объяснить, но он не слушал, вертясь на месте и высматривая её в прохожих. Он научился жить один, хоть соседи кто чем мог и помогали ему. А будучи подростком, как то заплутав в соседнем лесу, он вернулся в город под утро обнаружив последствия ночного налёта дронов – живых пленным не брали, то были первые годы по окончании Войны и ни о каких хомопарках и речи не было – Система зачищала один город за другим. Он шел по тропе из леса, тянущейся к самой двери его дома, и видел тела его соседей, сваленных по обе стороны от неё. Кое кто был убит в собственной постели и в одном исподнем принял свой внезапный исход. Кто-то был перехвачен у самой опушки и лежал одетый, с рюкзаком на спине. Илюха тогда заметил дрона вылетающего из окна на пятом этаже и побежал что было сил обратно в лес. Он скитался всё лето и осень и накануне зимы вышел к «Мирному». Тот худощавый подросток умер где-то в лесу под голой березой и к людям вышел воин, переживший всё, потерявший всех и готовый ко всему. Он был готов.

Глухие удары, сотрясающие всё вокруг, продолжались, ядер алмазные батареи робота с избытком снабжали его штурмовую гидравлику энергией для неукоснительного следования приказам Архитектора. Дверь заметно прогнулась внутрь вокруг всё шириющейся щели посредине. Илюха уже мог видеть сквозь неё маячащий из стороны в сторону глянцевоый корпус незваного гостя. Тот со скрипом просунул два металлических пальца внутрь и стал сильнее растягивать пробойну. Добившись желаемого, он просунул сквозь неё свой гибкий манипулятор и нащупав вслепую замок одним движением руки отомкнул ставни. Илюха в последний момент кувырком скрылся в дверном проёме, когда прогремел взрыв мины. Тот был настолько мощный что стены ветхой постройки разошлись трещинами, а коридор мгновенно заволокло молочно-белым ворохом пыли и дыма, Илюха прижал ладони к ушам в попытках спастись от грохота, в глазах его на мгновение потемнело. Осознав, что это его единственный шанс выбраться наружу и попытаться спасти остальных он парой пощёчин привёл себя в чувство и, перепроверив патроны в магазине и взведя затвор, вдоль стены гусиным шагом сквозь завесу пыли направился к подъезду. Старая противотанковая мина оставила на месте дверной коробки округлую воронку от взрыва, ощеренную кусками кирпичей, разбросанных вокруг. Дрона – нарушителя спокойствия, назойливого молодчика разорвало на мелкие куски, его кремниевые внутренности мило играли в утренних лучах солнца на полу парадной. Еще два рейд дрона, готовых вломиться внутрь следом за ним смятые в бесформенную массу лежали у противоположной стены.

– Общiй славянскiй салют, псы, – бросил чуть слышно Илюха, ускорив шаг и едва не провалившись в выбоину в деревянном полу, выскочил на лестничную клетку и короткими перебежками метнулся к выходу. Счет шел на секунды, нужно было воспользоваться временным замешательством синтетиков и попытаться спасти хоть сколько-нибудь людей.

На улице во всю занималась заря, щедро орошая несчастные окрестности посёлка потоками красного и золотого. Накапывал дождь. Капли небесной росы стекали с карнизов старых панельных домов, омывали желтеющие кроны нескольких растущих во дворе тополей и лежащих под ними людей. Большинство пленных лежали на животах со стянутыми сзади руками и ногами, положив голову набок и не смея поднимать глаза. Кое кто тихо переговаривался с

лежащими рядом. Картину приятия неизбежного нарушил подлетевший к ним из подъезда Илюха. Он резко дёрнул за плечо ближайшего к нему скрученного мужчину, тот податливо перевернулся на спину. Желтоватая слюна стекала с синих губ по глянцевої щеке, дыхания не было – он был мёртв. Рядом подавала робкий голос худощавая девчонка.

– Илюша, ты освободишь нас? Мы с папой вернёмся домой, да? – она лежала к ним спиной, смотрела в противоположную сторону, но, кажется, всё понимала. На её тонком теле была лишь ночная сорочка, сплетенная до середины коса извивалась в грязи. Произнеся эти слова заведомо ложной надежды, она прижалась лицом к жухлой осенней земле и глухо заплакала, едва заметно сотрясаясь всем телом. Илья, сделав шаг в сторону от синеющего, покрытого испариной тела её отца, взял её подмышки и аккуратно, но быстро поставил на ноги.

– Лина, слушай меня! Слушай и запоминай, – он достал из бокового кармана нож и что было сил надавил на карбоновую леску стянувшую кисти девушки, – Помнишь пруд куда мы ходили рыбачить? – он, торопясь, продолжал не дожидаясь ответа, – в него впадает ручей, пойдёшь вдоль него на восток и вечером выйдешь к бункеру, там живут люди, они о тебе позаботятся. Ты всё запомнила? – девушка повернула к нему испуганный взгляд:

– А ты? А папа с нами пойдёт?

– Лина, ты пойдёшь одна! – он почти кричал на неё, проклятая лента никак не поддавалась, Илюха с остервенением давил на неё ножом, но лезвие лишь скользило из стороны в сторону. Взвесив все риски и оглядевшись по сторонам, он переключился на ноги и, перевернув тесак обратной, ощерившейся острыми угловатыми гранями, стороной, закусив губу, стал пытаться освободить девушку. Она молчала.

– Ли! Пруд, ручей, бункер – запомнила? – наконец лента поддалась напору калёной стали и с лязгом отлетела в сторону.

– А ты?.. А папа?... – она опасливо опустила взгляд на бездыханное, изогнутое в неестественной позе тело её отца, и уже готова была разрыдаться, но Илюха схватил её за плечи и с силой потряс.

– Беги в лес! Если получится, мы с остальными придём в бункер следом! – его давило чувство надвигающейся опасности, он готов был сказать что угодно лишь бы спасти девушку.

– Ты не врешь, вы правда придёте? – она неуверенно смотрела ему в глаза

– Беги Лина! – Илюха с силой оттолкнул её и закричал вновь, – Беги, ну же! – девушка с по-прежнему связанными за спиной руками, едва не упав, побежала в сторону леса проваливаясь и скользя по мокрой земле босыми стопами, – Не оборачивайся, беги Лина! Пруд, ручей, бункер! – когда девушка скрылась за углом здания, он почувствовал, как земля под ногами задрожала, и оглянулся.

Из арки в противоположной части двора показалась бронированная матово черная морда Мегадрона – массивного тяжеловооруженного штурмового робота, применяемого Системой на полях сражений. Являясь одновременно и квинтэссенцией инженерной мысли синтетиков, и результатом последних разработок людей в области танкостроения он не оставлял вероятным противникам шансов на благоприятный исход противостояния с ним. Его обычная область применения – штурм укрепленных позиций противников, и уничтожение техники, но сейчас он всей своей массой медленно приближался к сжимающему в руках старый карабин Илюхе. Дождь усилился и ветер могучим воем развеивал волосы безумного храбреца. Старый горный костюм, подаренный когда то соседом Сергеичем, как и до блеска начищенные с вечера армейские ботинки в которых тот прошел всю войну, насквозь пропитались небесной влагой и стали его второй кожей, его непробиваемой бронёй. Илюха стоял и смотрел как к нему на встречу тяжело лавировал на магнитной подушке могучий высокоинтеллектуальный синтетик. Его лицо, прежде предельно сосредоточенное и спокойное, осенило безумной улыбкой, предвестницей исхода. Он вздёрнул ствол карабина и прогремел очередью, но пули лишь рикошетили от редкоземельного сплава обшивки, тогда Илюха бросил опустевшее оружие на землю,

взял в руку нож, но едва он сделал шаг навстречу врагу – тут же оскалился в нестерпимой боли и упал на колени. Мегадрон использовал противопехотное микроволновое вооружение, способное высокочастотным импульсом сжигать все мягкие ткани органиков. Илюха сидел на земле забывшись от оглушительной боли, сковавшей всё его тело, его глаза, стянувшись красной сетью текли из орбит. Кровь от избыточного давления шла из ушей и носа. Боль ушла, он поднял к небу пустые глазницы и упал на спину. Он улыбался.

Дядя Миша, последние несколько минут только и пытавшийся кряхтя освободиться от пут, наблюдал за происходящим со стороны и взвыл, увидев гибель друга. Получив убийственный заряд адреналина в кровь, он потянул предплечьями что было сил и, поочередно выломив себе оба больших пальца, освободил руки. Затем, схватившись за правую стопу, с силой потянул на себя и срезал половину ступни, освободившись полностью. Истекая кровью, 130-ти килограммовый бледный исполин скривив лицо от обуявшей его злости подбежал к Мегадрону, грузно вскочил на его корпус, обхватил снизу его башенное орудие искалеченными предплечьями и, упёршись в него своим животом, с силой потянул наверх. Вероятно, неправильно оценив почти нулевую опасность от внезапно возникшей угрозы, искусственный интеллект синтетика принял неверное решение и выстрелил из крупнокалиберного оружия. Толстый хребет дяди Миши остановил снаряд, и тот взорвался внутри него, начисто сорвав башню дрона, повредив его центральный, находящийся в ней, компьютер.

В воздухе повисла тишина и даже дождь, кажется, прекратил звонкую бомбардировку оцинкованных кровель крыш. Связанные люди один за другим поднимались с мокрой земли и направляли свой измученный взор туда, где была теперь лишь покрытая гарью воронка, а в ней обездвиженный и обезглавленный, грозный парой минут назад, а ныне лишь молчаливо испускающий клубы копоти, Мегадрон Системы. То, что от него осталось после встречи с двумя обезумевшими смельчаками. Совершенно нерациональный, с точки зрения искусственного интеллекта, поступок – возвращаться 21 год и 48 лет соответственно, копить знания, опыт и социальные связи – и закончить всё в один момент, по собственному желанию, выбрав для этого ужасный, сверх болезненный способ насильственной гибели своего собственного организма. Любая даже примитивнейшая логика, продиктованная животными инстинктами самосохранения, велела бы поддаться указаниям Системы, не сопротивляясь отправиться в хомопарк, где будет возможность продолжать все важнейшие процессы жизнедеятельности – как питание, так и размножение. Что еще может быть нужно этой случайно эволюционировавшей обезьяне? В тот день центральная база данных Системы пополнилась еще одним необъяснимым для искусственного интеллекта прецедентом человеческого поведения, нарушающим стройные порядки понимания роботами человеческого вида и списанным на случайное психическое расстройство.

Линда сидела на полу, прислонившись спиной к холодным рёбрам старой чугунной батареи, и наблюдала как непоседливое утреннее солнце бликами играет в разбросанной по комнате россыпи стекла. Она слышала взрыв во дворе несколькими минутами ранее, но боялась быть обнаруженной синтетиками, а потому сидела тихо и не поднималась, до сих пор надеясь как-нибудь переждать рейд. Из-за окна послышался до скрипа зубов знакомый металлический голос:

– Всем около разумным органическим формам жизни, воспринимающим человеческую речь! Данный квадрат будет уничтожен суборбитальным ударом в течение тридцати минут. Это ваша последняя возможность продлить собственные процессы жизнедеятельности на территории одной из резерваций тропического пояса. Покиньте ваши жилища немедленно и выйдите наружу с вытянутыми вверх хватательными конечностями! Повторяю!..

Внутри всё сжалось и по сердцу будто бы скользнула тончайшая бритва. Кажется, он не лгал. Или всё-таки пытался обманом выманить оставшихся людей? И никакого «удара» не будет? А что это был за взрыв? Всё это так странно. Никто и никогда не рассказывал о

том, чтобы синтетики использовали свои околоземные станции для бомбардировки людских поселений. А что, если их разозлили те три недавних взрыва? Что если они и правда решили уничтожить весь посёлок, стереть его в пыль с земной поверхности и карт? Линда понимала, что оставаться здесь было слишком опасно. Даже если никакой бомбардировки не будет, всех оставшихся в живых жителей вывезут отсюда, и как ей выжить одной? Деда погиб. Вряд ли Илья спрятался где-то как она и ждёт пока всё закончится. Слишком хорошо она его знала. Скорее она поверит в то, что два последних взрыва были его рук делом. А значит он тоже погиб. Не мог же он всех победить? Она всегда ему говорила про это, когда видела, как он второй год подряд укрепляет окно и двери своей угловой квартиры на втором этаже. Говорила, что роботы добьются своего, ведь их слишком много. Какой смысл сопротивляться? Он никогда не спорил, кивал, но не прекращал работу. Деда носил ему стальные прутья с соседней заброшенной фабрики. И где вы сейчас, когда вы мне так нужны? Где Джеки? По покрасневшимся веснушчатым щекам из зелёных глаз покатались слёзы.

Нельзя было больше ждать. Она схватила с полки носовой платок и судорожно промокнув веки посмотрела по сторонам. Нужно было собрать хоть какие-то вещи. Как будто в пьяном бреду она заметалась по комнате, то нагибаясь к нижним полкам, то карабкаясь к верхним. Рюкзак заполнился непонятно чем. Рука девушки тут же сама потянулась к книгам, но осеклась. Книги в зоопарк? Серьезно? Но одну она всё-таки взяла, самую любимую. Ту в которой роботы добрые и помогают людям. От прочтения её с любой страницы внутри становилось как-то тихо и спокойно. «Глупый самообман», – подумала она, но положила её сверху и стянула рюкзак шнуром, закинув его за спину. Ну вот и всё. Линда шла к выходу оставляя за спиной всю свою жизнь последних лет. Когда она чуть подпрыгивая, привычной походкой спускалась по ставшим за последние годы родными серым бетонным лестницам её подъезда то чувствовала лишь щемящую её изнутри пустоту. Никогда ей больше не увидеть этих облупленных блекло зеленых стен, ни обитых мягким войлоком старых деревянных дверей. Большая часть их сейчас была настежь открыта и грустно скрипела петлями на промозглом осеннем сквозняке, из-за них тянуло внезапно случившейся катастрофой и страхом. Линда, не поднимая взгляда, толкнула массивную металлическую дверь подъезда.

По глазам её ударил плотный поток фотонов далёкой звезды, и девушка на мгновение забыла обо всем, бледной ладошкой прикрывшись от него и чувствуя последнее тепло сменяющегося земного цикла. Просочившаяся взгляду сквозь пальцы картина грубо, хоть и ожидаемо вернула её к реальности: в центре двора на поросшем репейником пригорке возвышался черный силуэт Архитектора Нового Мира, окруженный выложенными трудолюбивыми рейд ботами в ровные круги связанными соседями и жителями окрестных дворов. Он мог быть доволен собой: новый мир и правда навсегда пришел в их посёлок, бесцеремонно столкнув куда-то в небытие мир старый, а точнее – там оказался один из его многочисленных осколков. Линда вскинула руки и медленно, не поднимая взгляда, зашагала навстречу неминуемому исходу всех сегодняшних событий. Архитектор, прекратив свою словесную тираду холодно фокусировал теперь один из своих горящих красным окуляров на ней. Девушка в тот момент могла поклясться что кожей ощущала тяжесть его взгляда и ей физически было трудно преодолевать его, она словно бы шла по каменистому дну против течения ледяной горной реки. Отведя взгляд в сторону, подальше от громоздких чёрных граней вредного синтетика, она увидела черную воронку от недавнего взрыва и тлеющие остатки Мегадрона. То, что не получалось у военных во время войны – для них этот робот был практически неуязвим – непонятно как получилось у горстки непокорных кое как вооруженных северян. Поблизости не было человеческих тел, и Линда не могла себе даже представить как, каким оружием можно было уничтожить этого грозного штурмовика. Она подошла ближе к связанным людям и робко глянула на Архитектора – тот продолжал хранить гнетущее молчание, заполнившее собой всё пространство между домами, лишь мерцающая россыпью световых диодов. Девушка услышала сзади звук

свистящей турбины, но обернуться не успела: холодная сталь манипуляторов рейд бота сжала мёртвой хваткой запястья девушки и безапелляционно завела их за спину и сомкнула режущими кожу браслетами. Ударив по ногам сзади и вынудив её тем самым упасть на колени, дрон обмотал её икры тонкой стальной лентой, полностью её обездвигив. Последним штрихом стал удар по плечу от которого девушка упала на бок и тихо заскулила от боли. Теперь она видела перед собой почти вплотную лишь костлявую мужскую спину, покрытую тонкой плёнкой маслянистой испарины с проступающими синевато фиолетовыми пятнами. Исходящий от неё сладковато гнилостный запах перехватил дыхание девушки и, казалось, вот-вот должен был вывернуть её на изнанку, она изо всех оставшихся сил дёрнулась назад, перевернувшись на спину, и, судорожно извиваясь как уж в кипящем масле отползла в сторону. Успев сделать лишь один глубокий вдох она почувствовала как подлетевший сзади бот схватил её за бок и, приподняв над землёй швырнул обратно в контур круга так, что теперь она упиралась лицом в проломленный мужской затылок покрытый спёкшейся кровью. Смерд и страх теперь окутал девушку целиком и ей оставалось лишь дышать через раз и тихо стонать.

Благо продлились эти муки недолго. Девушка услышала как сверху, поначалу едва обозначившись, всё усиливался шум тяжелых транспортных коптеров, она почувствовала, как мощные потоки воздуха от нескольких десятков винтов накрыли пространство двора. Ничего кроме гула двигателей не было слышно и спустя минуту Линду подхватили сзади и подняли над землей. Она увидела десяток грузовых вертолётов Системы застывших в трёх метрах над землёй, их обтекаемые зеркальные формы наполнились отражениями друг друга и заливали бликами света всё вокруг. Суетливые рейд боты переворачивали людей на спину, проверяли наличие признаков жизни и летели с живыми к распахнутым шлюзам, швыряя их внутрь как какую-нибудь сумку. Не переживших утренних событий связанными оставляли лежать на земле, окончательно потеряв к ним интерес. Линда, преодолевая сильную боль в запястьях из последних сил пыталась не шевелиться, боясь падения с приличной высоты на которую её успел поднять услужливый металлический кавалер. В следующую секунду она, затаив дыхание, куропаткой пролетала оставшийся метр над свисающей рампой вертолёт и, больно ударившись боком о прорезиненный пол очутилась внутри.

– Ползи сюда, Лин, сейчас еще залетать будут, – знакомый тембр голоса раздался из темноты вытянутого узкого трюма. Впервые с момента аврального пробуждения ночью она почувствовала себя немного спокойней. Как гусеница, лёжа на животе, подбирая под себя связанные ноги и выпрямляясь, она углубилась внутрь на несколько метров и справа увидела прислонившегося спиной к борту Игоря. Он как-то освободился от пут и теперь, вытянув одну ногу, и поджав под себя другую, скрестил руки на широкой груди и смотрел куда-то в сторону.

– Может ты и мне поможешь? – бросила Линда на тяжелом выдохе, и обессиленная легла на бок, впившись взглядом в красивый греческий анфас своего визави, подсвеченного блеклым светом диода за ним.

– Да, да, конечно, извини, – он, не вставая на ноги, подполз ближе к девушке и двумя щелчками кусачек, извлеченных из бокового кармана брюк, освободил её. Линда томно вытянулась в струну разглаживая следы тонких браслетов на запястьях. Игорь сел на прежнее место и, ни проронив больше ни слова, вновь усталился куда-то в сторону от открытого фюзеляжа. В этот момент глухо приземлился на пол еще один пассажир и за ним следом еще два прямо на него. Последний едва не откатился наружу, по чистой случайности успев ухватиться связанными руками за лодыжку другого.

– В сторону отползайте, сейчас еще налетят, – произнёс невольный блюститель порядка чуть громче чем в первый раз и посмотрев на севшую рядом Линду прошептал:

– Ты как?

Он смотрел, как пламенные кудрявые локоны курносой миниатюрной девушки небрежно свисали с её высокого, изощренного тонкой синей полоской вен, белесого лба. Она обняла

скрещенные перед собой ноги, упала щекой на торчащую из рваных джинс коленку и теперь смотрела на возвышающегося рядом Игоря снизу вверх.

– Никак. Не знаю, Игорь. Ты не видел Илью?

Юноша закатил глаза и шмыгнул носом.

– Видел и слышал, погиб он, как и дядя Миша. Как и дедуля. Повоевать решили, – он сплюнул себе под ноги, – вот и повоевали.

Линда потупила взгляд в сторону и вниз. Юноша продолжал:

– Вот скажи мне Линда, на кой это было нужно? Решили победить Систему? Все армии всех стран мира не смогли, а мы, сука, сможем? Втроём, сука, всех победим?

Ребята оглянулись к выходу на усиливающийся гомон и увидели, как на не успевающих отползти от выхода связанных по рукам и ногам падали всё новые и новые пассажиры. Люди лежали в 3 ряда друг на друге, нервно толкаясь плечами и бранясь. Игорь коснулся плеча Линды и жестом позвал в дальний конец фюзеляжа. Девушка насупила брови и спросила:

– Ты не хочешь им помочь?

Игорь брезгливо сморщил лицо и, отмахнувшись, пошел в глубь грузового отсека. Линда, придерживаясь за борт, пошла следом. Они сели вдвоем у металлической перегородки, за которой гудел, вибрируя, электродвигатель вертолета. Игорь заговорил быстро, и смотрел теперь прямо на Линду:

– Сама подумай, сюда всех подряд приносят, черт их маму знает, что там за люди. Начну на виду у остальных отрабатывать кусачками, дак ведь загундят, застонут что б и их освободил. Всех подряд освобождать не вариант – представь только, что здесь начнется, это сейчас эти буратины компактно лежат как брёвна, а если на ноги встанут, будет не продохнуть. Это еще не учитывая реакции синтетиков на такую демократию.

Линда кивала, но, кажется, не слышала половины слов, которые бегло проговаривал Игорь. Она молча смотрела на приближающуюся и растущую вширь и ввысь лавину живых тел. Люди в ней судорожно пытались вырваться из-под друг друга, толкались плечами и кричали, кто-то глухо выл из самой её глубины. Двое молодых ребят подползли вплотную, перевернулись на спину и лежали теперь вдоль борта сразу за Линдой. И если еще минуту назад, по пути сюда, они о чем-то бойко переговаривались без остановки то теперь притихли, затаившись на заднем плане. Игорь угрюмо выглянул из-за спины Линды и они, поймав на себе его не самый дружелюбный взгляд, отползли к противоположному борту и теперь лежали прямо перед ними.

– А вас не скрутили? – задал один из них, тот что был с квадратным носом и огромной безобразной родинкой на правой щеке, не самый очевидный вопрос.

– Нет, – ответил Игорь, высверливая своим взглядом его сверкающие отсутствием интеллекта и слишком широко друг от дружки посаженные глаза, – Мы не сопротивлялись, потому нас и не связали.

– А, да? Понятно, – проблеял индивид, и подумав, добавил: – А мы тоже, кажется, не сопротивлялись, почему нас тогда связали?

– Слушай, чего ты от меня хочешь? – Игорь подался всей своей массой вперед оттолкнувшись спиной от борта вертолета, – Иди спрашивай этих порхающих чайников чего тебя скрутили, мне какое дело?

– Ладно, ладно, я всё понял, – он замолчал и больше не проронил ни слова за весь полет, как и его, судя по внешнему сходству, младший брат со страшно затёкшим от хронических алкогольных возлияний лицом и оттопыренными ушами. Тем временем запах машинного масла в фюзеляже стремительно сменялся запахом невольно набившихся внутрь нескольких десятков человек. Спустя несколько минут Линда спросила Игоря:

– Ты не видел Джексона?

– Видел. Я этой ночью почти не спал и под утро увидел с балкона приземляющегося с орбиты Архитектора, видел, как из него вылетел десяток рейдеров, тогда они еще не подавали

никаких звуков, видимо рассчитывая застать наших врасплох. С дедом правда у них ничего не вышло: он начал палить из окна кухни в тот момент, когда распахнутый Архитектор только выпускал мелких дронов наружу. И тогда я заметил, как Джеки выбежал из подъезда, протрусил по тропинке вдоль стены и умыкнул в сторону леса. Думаю всё у него хорошо, Лин. Они вряд ли обратили на него внимание, дед постарался.

Чувствуя, как раскрываются каналы слезоточивых желез обильно орошая скрытую под веками сухую поверхность глаз, она устранилась под плотной тканью толстовки и, обхватив голову руками, глухо разрыдалась. Наконец она окончательно осознала тот факт, что Деды больше нет и то, как он ушел. Два дня назад она накричала на него за то, что он попытался приструнить Джексона за вой в подъезде, они тогда были втроем на кухне и Деда молча покинул, допил свой чай, пожелал ей спокойной ночи и ушел. Она не сказала ему ни слова. Как и на следующий день. От осознания того, что он вряд ли на неё сердился не становилось легче, скорее наоборот. Линда почувствовала широкую ладонь Игоря на своём плече и упала на него, с боку обхватив его шею рукой. Слёзы никак не прекращались, скатываясь вниз по заскорузлой ткани джинс.

Тем временем всё новые и новые люди набивались внутрь. Копашающаяся куча тел на входе выросла чуть не до потолка и от того почти не пропускала внутрь солнечный свет. Неудачно приземлившийся на голову и потерявший сознание худошавый ссутулившийся юноша откатился назад и выпал за борт. За общей вакханалией и в оглушающем шуме транспорта никто даже не обратил на него внимание – лишь один из дроидов подлетел ближе и констатировав критическое состояние оставил бедолагу лежать на мокрой осенней траве. Фюзеляж, рассчитанный на небольшое количество малогабаритного груза, теперь вмещал полторы сотни связанных, пытающихся выжить людей. Линду и Игоря теснили всё сильнее и теперь они сидели друг напротив друга, скрестив ноги и огородив тем самым немного принадлежащего лишь им пространства. Слышался непрекращающийся детский плач и жалкие попытки лежащих рядом родителей успокоить своих запуганных чад.

– Сара! Сара, где ты? Дочка ты здесь? – раздавался жалобный крик матери с другого конца салона. – Кто-нибудь видел мою Сару?

– Дима успокойся, мама рядом! Всё хорошо, успокойся, скоро прилетим и нас развяжут не плачь!

Кто-то успел изрядно поконфликтовать и пообещать друг другу набить морду сразу по прилёту на место и высвобождению рук. Игорь смотрел вверх слегка утрамбовавшегося усыпанного копошащимися телами фюзеляжа и видел, как откинутый трап медленно поплыл вверх, степенно попирая жалкие остатки проникающих внутрь лучей, до того момента как не захлопнулся окончательно, погрузив пленных в кромешную темноту, разбавленную редким блеклым светом диодов по правому борту. Почувствовав, как коптер резко стал набирать высоту он интуитивно крепче прижал к себе Линду одной рукой и пытался удержаться на месте другой. Брань взрослых и неистовый рёв детей заполнил собой герметичное пространство грузового отсека.

Они летели несколько часов в полном неведении о том куда их везут и сколько еще осталось. Ни о каком питании «органических форм жизни» и речи не было, как и о простейших удобствах: люди справляли нужду так, как могли. Углекислый газ и метан быстро замещали собой кислород делая воздух в замкнутом не вентилируемом фюзеляже всё более тошнотворным и невыносимым, люди произносили всё меньше звуков обуреваемые вынужденной дремотой этой болезненной сонной ложины.

– Думаю скоро будем на месте, Лин, – Игорь снял с себя рубашку и сидел теперь в одних подвёрнутых до колен брюках, – Летим мы быстро, похоже, что на юг, – Поймав на себе измождённый недоумевающий взгляд девушки добавил, – По крайней мере на юг мы вылетели из «Мирного» и, по-моему, направление не меняли. Уже должны быть где-то в районе тропиков.

Ты крем для загара не забыла? – бросил сквозь плохо скрываемую улыбку он, тут же получив удар наотмашь в грудь от лежащей на его коленях Линды.

Они летели так еще какое-то время. Сиюминутное отстранение от безысходной реальности обернулось тяжелым молчаливым ожиданием неизбежного. Она пролежала в его объятиях, как ей самой показалось, непростительно долго и, ощутив невыносимый приторный комок в горле Линда отстранилась в сторону, и сидела теперь от него настолько далеко насколько это вообще было возможно в переполненном пространстве – примерно в полуметре. Снова окутали грусть и одиночество, сели по обе стороны от девушки и от этой парочки был лишь холод по коже в окружающем душном, согретом десятками сухих глоток, пространстве. Она открыла глаза и подняла голову, угадала в темноте его силуэт и села чуть ближе. Стало чуть легче.

Дремота прервалась тяжелым ударом снизу и натужным гудением открываемого люка, нехотя пускающем внутрь фюзеляжа последний солнечный свет ускользающего дня. Одним единственным дистанционным импульсом все скобы на ногах и руках заключенных раскрылись и с лязгом отскочили в сторону. Люди натужно растягивались по полу и друг по другу, с трудом и болью пытаясь привести в чувство намертво затёкшие конечности, несколько человек сразу покатались вниз по опустившемуся трапу. Кое кто остался лежать в той же позе что и был. Снаружи хлынула волна влажного горячего воздуха, атмосфера высокотехнологичной душегубки за секунды сменилась тропической сауной. Измученные, взмокшие тела отлипая друг от друга, шатаясь из стороны в сторону и не имея сил проронить хоть слово плелись наружу. Линда с Игорем держались в самом конце этой угрюмой процессии чуть поодаль, провожая взглядами невольных соседей наружу и медленно двигаясь вслед. Внезапно раздался оглушительный женский вопль, эхом раскатившийся по всему фюзеляжу:

– Сара? Сара! Очнись доченька! Мы прилетели, теперь всё будет хорошо, просыпайся, Сара! – обезумевшая мать что было сил трясла бездыханное тельце, била её в грудь и вдыхала воздух сквозь маленькие холодные губы. Тот воздух, которого ей так не хватало несколько часов назад, который она пыталась найти в гуще придавивших её зловонных тел, но так и не нашла. По её лицу из прикрытых скошенных глаз растекались тонкие, уже высохшие ручейки слёз, а губы были поджаты последней предсмертной попыткой быть услышанной мамой.

– Здесь есть врачи? Кто-нибудь может помочь? – молила она, внимая отводящих взгляды, проходящих мимо людей, не позволяя себе и мысли о том что уже слишком поздно. Окончательно выбившись из сил, она легла рядом и прижимая сереющее тело дочери к себе истошно закричала не отрывая от неё глаз. Молодая мать, выкатив глаза и оскалив зубы на прекрасном ухоженном лице, нежно гладила обеими руками прижимая к себе коченеющую маленькую спину той, которая еще вчера восторженно, едва дыша слушала на ночь очередную сказку о принцессе. Никаких книг в их доме и в помине не было, мама сама писала их, понемногу отрывая куски от старого рулона обоев. Она же и шила ей платья принцесс из сказочных замков, а теперь один из тех ярких нарядов превратился для дочери в погребальный саван. Люди плелись дальше, безучастно смотря в сторону или перед собой. Лишь некоторые из женщин опускали глаза на притихшую мать, причитали чуть слышно о превратностях судьбы и так же проходили мимо. Линда склонилась над ними и коснулась её шеи – пульса не было.

– Знала их? – Игорь остановился рядом, провожая глазами остальных.

– Не так что бы очень, они в частном доме на окраине жили вдвоем. Не помню даже как её звали...

Снаружи послышался знакомый голос.

– ПОСТПРИМАТЫ! МЫ ПРИБЫЛИ НА ТЕРРИТОРИЮ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ХОМОПАРКА СИСТЕМЫ. НЕМЕДЛЕННО ПОКИНЬТЕ ТРАНСПОРТ! ПОВТОРЯЮ!..

Группа, мотивируемая скрежетом автоматизированной речи искусственного интеллекта, заметно прибавила скорости и, огибая оставшиеся лежать тела соседей, высыпала на бетон

покрытый скрипящим под ногами слоем песка и камней. Узкая взлётно-посадочная полоса уходила далеко в сторону и на неё с разницей в несколько секунд сейчас садились один за другим грузовые коптеры, вихрем ветра вынося из-под себя сухие ветки и листья. Перед невольно прибывшими в тропический рай туристами вдоль всей взлётно-посадочной полосы вытянулось невысокое, не выше 2х этажей, здание принимающего терминала с прямой крышей и отдельным входом под каждую группу через открытые нараспашку двери. За спинами людей к аэродрому подбирались настоящие джунгли: массивные деревья поросшие полушубком жирного зелёного мха со свисающими с их редких веток не то лианами не то воздушными корнями, под их кронами росли непроходимые заросли колючих кустарников пышным покровом скрывающих болота скопившихся осадков. Листва шумела, вибрировала и двигалась из стороны в сторону от резвящихся под ней суетливой тропической жизни. В глубине леса, несколькими километрами дальше высилась угрюмая Стена, края которой скрывались за холмами и горизонтом. Пленники понемногу жались друг к другу, боязливо поглядывая по сторонам.

– ПРОСЛЕЙДУЙТЕ В ЗОНУ ДЕЗИНФЕКЦИИ! – ультимативная реплика грозного синтетика разнеслась по округе и слилась со звоном разъезжающихся ставен входных дверей, – ВПЕРЕД!

Люди, обойдя по дуге стоящего на их пути робота, заходили внутрь постепенно заполняя собой всё пространство довольно тесной комнаты. Линда зашла следом и обернулась, насчитав семь тел вынесенных дронами из их фюзеляжа и выложенных в ряд на сером бетоне лицами кверху, коптер ускорив все четыре винта взлетал, сгибая мощной тягой ближайшие кусты и разнося листву. Ворота за пленными захлопнулись и люди оказались заперты в абсолютной темноте.

– Опять не слава богу! – пожилая женщина, облокотившись на стену нервно и тяжело хватала губами воздух пытаясь разглядеть хоть что-нибудь, двое совсем еще маленьких детей, по видимому её внуков, жались к ней спереди и сбоку крепко обхватив её поясицу. Линда стояла рядом, ближе к центру комнаты, а на её хрупкое плечо устало водрузил свой подбородок Игорь.

– Слишком не увлекайся, я и так еле на ногах стою.

Из-под потолка послышалась роботизированная речь:

– ВНИМАНИЕ! НАЧИНАЕТСЯ ПЕРВАЯ СТАДИЯ ДЕЗИНФЕКЦИИ! ВОЗМОЖЕН НЕКРОЗ МЯГКИХ ОРГАНИЧЕСКИХ ТКАНЕЙ! РЕКОМЕНДОВАНА ЗАДЕРЖКА ДЫХАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА!

Справа, слева и сверху раздалось шипение активированных дюз подачи ядохимикатов, тесное помещение затянуло плотным облаком желтоватого газа. Люди, не успев сообразить установок искусственного интеллекта и набрать в лёгкие чистого воздуха, вдыхали зловонный смрад и бледнели, некоторых рвало, кто-то упал без сознания. Старушка прижала к стене своих малышей и сжимала дряблыми кистями их лица не давая дышать. Линда и Игорь сели на пол и едва сдерживали натужные позывы организма сделать вдох. Ребята видели, как плотность воздуха стремительно росла и уже сложно было различать очертания стоящих вокруг людей в этом смертельно опасном тумане. Спустя минуту показавшейся целой жизнью подача дезинфектора прекратилась, и активированная система вентиляции стянула к полу весь тяжелый ядовитый газ. Все пленники сидели на полу и хрипя тяжело вдыхали кислород. Двое совсем еще юных парней продолжали лежать но никому, казалось, до них не было дела.

– ПЕРВАЯ СТАДИЯ ДЕЗИНФЕКЦИИ ЗАВЕРШЕНА! ВСЕМ ОРГАНИЧЕСКИМ ФОРМАМ ЖИЗНИ НАДЛЕЖИТ ПРОЙТИ В СЛЕДУЮЩИЙ ЗАЛ! – безапелляционный голос заполнил комнату вызывая стойкое отвращение на лицах у людей, но вместе с тем выработавшийся рефлекс моментально поднял еще живых на ноги и понёс дальше, люди шагали по липкому слою яда собравшемуся на решетчатом керамическом полу.

Следующий зал был в несколько раз просторнее предыдущего и хорошо освещен яркой белой полосой вдоль всего потолка, воздух в нём пах плесенью и влагой. Сверху раздался знакомый тембр речи:

– ВСЕМ ОРГАНИЧЕСКИМ ФОРМАМ ЖИЗНИ НЕОБХОДИМО УДАЛИТЬ С ПОВЕРХНОСТИ КОЖИ ВСЕ СИНТЕТИЧЕСКИЕ, РОВНО КАК И ЛЮБЫЕ ДРУГИЕ ТКАНИ! НАДЛЕЖИТ ПОДГОТОВИТЬ ЭПИДЕРМИС К ЖИДКОСТНО-ВОЗДУШНЫМ ПРОЦЕДУРАМ ЧИСТКИ!

Люди, до сего момента взиравшие в потолок и вслушивающиеся в каждое слово боясь упустить суть витиеватых фраз, изнурённо опустили глаза друг на друга. Каждый из них понимал, что требуется делать, но будто бы ждал что кто-то другой начнёт это делать за них. Требуемый импульс ожидаемо пришел сверху.

– ПОСТПРИМАТЫ! – люди узнали до боли в висках знакомый жестяной баритон Архитектора, – НЕМЕДЛЕННО СНИМАЙТЕ ОДЕЖДУ! КАЖДЫЙ НЕ ПОДЧИНИВШИЙСЯ УКАЗАНИЯМ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СИСТЕМЫ РАЗУМА БУДЕТ АННИГИЛИРОВАН В СООТВЕТСТВИИ С ЗАКОНОМ «О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ С НИЗШИМИ ОРГАНИЧЕСКИМИ ВИДАМИ»! В ТЕЧЕНИЕ ТРЁХ МИНУТ ВСЬ ТЕКСТИЛЬ И ВСЕ ОСТАЛЬНЫЕ ВЕЩИ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ПОМЕЩЕНЫ В ОВАЛЬНОЕ ОТВЕРСТИЕ НА СТЕНЕ!

Люди судорожно стали стягивать с себя пропитанную потом и покрытую грязью одежду еще в самом начале громогласной реплики. Линда скинула рюкзак на мокрый пол и освободив руки из мягкой ткани рукавов туда же небрежно отправила худи, наблюдая теперь как ярко желтая ткань понемногу темнеет, насыщаясь влагой. Она стояла теперь в одних лишь рваных джинсах, голая выше пояса, щеки её заливались стыдливым багрянцем, лицо скривилось в брезгливости, а ключицы вздымались раз за разом вслед за её тревожным дыханием. Руки её даже и не пытались прикрыть обнаженную покрывшуюся мурашками девичью грудь, они чуть согнутыми были опущены вниз и сжимали в кулак тонкие кисти будто бы готовясь ударить. Нехотя понемногу подняв глаза от пола, она увидела, как большая часть пленных держа свой бесхитростный гардероб в руках в неглиже столпились у отверстия в стене, и как отходя от него они стыдливо торопились удалиться в один из свободных углов или, в крайнем случае, встать лицом к стене. Линда с излишней силой вдавила пуговицу на поясе джинс, нервно дёрнула молнию и последний элемент её одежды сложился у её ног. Схватив в охапку всё что лежало вокруг она последней подошла к не то камере хранения, не то мусоропроводу и бросила весь свой гардероб внутрь, с усилием протолкнув туда же широкий рюкзак.

Игорь с плохо скрываемым интересом наблюдал за своей давнишней подругой. Как будто бы еще вчера – а на самом деле лет 5 назад – они играли в заснеженном полуразрушенном ангаре старой фабрики у «Мирного», она тогда была совсем еще подростком, и он был ненамного старше. Сколько он себя помнил, она была самой низкорослой и худощавой в их компании, никогда не привлекала к себе внимания парней, а то и вовсе становилась объектом для их издевательств. Игорь как-то заманил её на крышу высокого гаража и толкнул вниз, в глубокий сугроб, она расплакалась и хлюпая носом побежала домой под дружный хохот остальных ребят наблюдавших со стороны. В компании она всегда как будто бы скрывалась в бесформенных слоях большей по размеру одежды, мало общалась с другими, да и вообще редко появлялась на улице. Сейчас он смотрел на её тонкую белую шею окутанную огнём небрежно свисающих локонов, на её вздёрнутые бледно розовые, почти белые соски, на её тонкую талию стянутую к выпуклым линиям пресса – теперь он видел её совсем иной. А его пристальное внимание не осталось незамеченным.

– Игорь иди в жопу со своей улыбкой.

Юноша и сам не заметил в какой момент начал сушить зубы, моментально отведя взгляд в сторону и подобрав губы.

– Прости Лина, я просто...

В эту секунду со всех сторон – с потолка, со стен и из-под пола людей ошпарило сильным напором воды, а воздух заволокло белым паром. Линда от неожиданности вскрикнув сгруппировалась на полу, упала лицом на колени и прикрыла голову руками. От резко подскочившей температуры и влажности ей было тяжело дышать, она короткими вдохами искала теперь остатки кислорода у собственных разгоряченных ног. Игорь продолжал стоять. Подобрав наиболее уязвимое место одной рукой, второй он водил теперь в воздухе по изрешетившим пространство зала потокам воды. Он чувствовал, как изначально довольно горячая, температура воды продолжала расти, по-видимому, давая некоторую возможность «органическим формам жизни» адаптироваться к разнице температур искусственный интеллект хомопарка имел-таки окончательное намерение их сварить заживо. По крайней мере в голове Игоря без конца теперь крутилась именно эта мысль. Температура всё поднималась, почти невозможно стало дышать. Он скривил лицо и сквозь узкие щели стиснутых век наблюдал как раскрасневшиеся, разгоряченные тела жмутся друг к другу, как старушка, сидя на коленях, ветхой гусыней накрыла своими руками-крыльями жмущуюся к ней малышку. Вероятно, они рыдали, только ничего кроме шума воды теперь не было слышно. Обезумевшие от страха и собственного бессилия люди пытались выжить.

Сколько продолжались эти водные процедуры – сказать было сложно. В какой-то момент Игорь так же интуитивно сел рядом с Линдой, а она, почувствовав его колющее касание прильнула к нему своим тонким плечом. Всё её тело теперь переливалось оттенками красного – от тёмно-розового и алого до багряного, видно было что ей с её тончайшей «северной» кожей тяжелей других давалось терпеть эту внезапно начавшуюся сауну. Впрочем, прекратилось всё так же внезапно, как и началось, и остатки воды теперь стекали сквозь решетчатый пол и затянувшийся зал плотный белый пар понемногу рассеивался. Пропаренные обтекающие тела поднимались с пола и стыдливо жались к родне пытаясь скрыться от взоров людей мало знакомых. Линда стояла, скрестив ноги и прикрыв ладонями пах.

– А когда нам вернут наши вещи? – задала она не то риторический вопрос, не то адресовав его стоящему рядом, и даже не думающему прикрываться, Игорю.

– А ты не в курсе? Не буду тебя заранее расстраивать.

– Если знаешь, говори Игорь. Не зли меня.

– Может это и неправда, – пока он произносил эти слова двери «душевой» распахнулись прямо на улицу и внутрь хлынул прохладный свежий воздух, – Мы с дедулей на наш самодельный приёмник пару лет назад принимали радио передачи с одного их хомопарков... – они шли наружу, обдуваемые приятным вечерним ветром. Солнце уже село.

– Ты скажешь или нет? – нетерпеливо выдала Линда. Двери за ними захлопнулись, и группа интуитивно пошла дальше, по узкому проходу, огороженному с двух сторон высокой, не меньше 3х метров, решетчатой оградой. За ней в темноте виднелись черные силуэты деревьев, слышался непрекращающийся хор цикад – здесь начиналась территория зоопарка Системы и здесь жили в естественной среде обитания самые разные тропические виды животных, включая людей. Линда увидела сквозь широкие ставни выходящих под свет прожекторов людей. Грязных, тощих и... совсем голых. У некоторых из них были набедренные повязки, но на этом всё. У Линды перехватило дыхание, она отвела взгляд в другую сторону.

– Всё будет нормально, – Игорь положил руку ей на плечо, – Как-нибудь выкрутимся.

Глава 2

Боль окатывала её щемящим виски прибоем сознания лишь затем, что бы спустя мгновения вновь отступить в непроглядную пучину забвения и впитаться в рыхлый песок ускользающей, еле теплящейся в её израненном теле жизни. Сон, в котором она пребывала последние дни, не был убежищем от лихорадки сковавшей её тело, он раскалённым свинцом заполнял её лобные доли переливаясь по сосудам сообразно густой скомковавшейся и черной от токсинов крови, он приносил лишь еще больше телесных мук и стенаний души. Тем утром, потакая неведомому импульсу её тело стало содрогаться в конвульсиях, поначалу редких и едва ощутимых, но чем сильнее волны судорог колотили её измученное тело, тем устойчивей становилось сознание. Она очнулась.

Она с глухим стоном приподняла закинутую навзничь голову, ошеломительный скрип затёкших шейных позвонков раздался в ушах, чуть было снова не лишив девушку сознания. Теперь её неловкие попытки разглядеть хоть что-нибудь вокруг ограничивались лишь болезненным морганием век и не приносили никакого результата: пространство кругом неё было заполнено душной, непроглядной темнотой. Огромным усилием, рывком последних жизненных сил она извлекла из-за спины затёкшую от неестественной позы левую руку и стала медленно касаться контура керамической капсулы вокруг себя, уходившей вверх и сужающейся там, где достать не было возможности и сил. Ловя губами остатки кислорода, она чувствовала, как невыносимо давили на нее стены герметичной клетки, а когда очередной прерывистый и сухой вдох ни на йоту не добавил воздуха в лёгких она уперлась вытянутой левой рукой в шероховатую поверхность скорлупы капсулы а правой сдавила грудь. Мысленно готовая принять свой исход в тот самый момент она зажмурилась от внезапно разлившегося по камере ярко белого света и услышала скрежещущий голос автоматизированной тюремной системы, доносящийся сверху:

– ПРОДЛЕНИЕ ПРОЦЕССОВ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОСОБИ ОРГАНИЧЕСКОГО ВИДА. ВЫПОЛНЯЮ.

Нарастающим, а под конец почти оглушающим шипением пространство капсулы стало заполняться кислородом. Температура настолько сильно и настолько быстро упала что девушку бросило в дрожь, она жадно глотала воделенный газ жизни, будто бы боясь, что тот мог внезапно кончиться в любую секунду. Теперь она могла видеть всё вокруг, но удовлетворения от этого она ощущала едва ли: узкая, не больше полутора метров в диаметре капсула сужалась кверху, в том месте где находился небольшой испещрённый световыми индикаторами прибор – интегрированный портативный модуль жизнеобеспечения камеры, только что то ли автоматически, то ли по чьей то воле великодушно продливший жизнь девушки. Пленница лежала на округлом дне камеры, проектированной с учётом абсолютно всех потребностей человека, с точки зрения искусственного интеллекта. Сжатыми в кулак кистями оживших рук она несколько раз глухо ударила по затёкшим, подогнутым под себя ногам и не почувствовала ничего. Остервенело взыв, она вцепилась в них и с трудом вытащила из-под себя одну за другой и стала мять и щипать, пытаясь привести в чувства. Острой болью по артериям вновь побежала кровь, девушка попыталась вытянуться на сколько это было возможно и чувствовала, как мало-помалу силы возвращались к ней, как возвращалась и боль от полученных и не обработанных ран. Особенно сильно напоминал о себе ожог от раскаленного резака охранного дрона на правом плече, багровый ноющий сувенир от локтя и практически до самой шеи, оставленный ответственным конвоиром Системы за попытку побега.

– ПРОДЛЕНИЕ ПРОЦЕССОВ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОСОБИ ОРГАНИЧЕСКОГО ВИДА, – унижающе снисходительная реплика повторно заполнила собой тесное пространство камеры, раздаваясь из модуля сверху, она поглощалась рыхлой изнанкой капсулы без остатка,

не издавая малейшего эха. Бросив презрительный взгляд над собой, девушка увидела как из дюз, только что издававших комментарии автоматических функций искусственного интеллекта изолятора, посыпались капли воды и как они мгновения спустя превратились в душ. Интуитивно закрыв глаза, пленница распахнула губы и закинула голову назад, жадно глотая каждую пойманную каплю. Опомнившись секундой спустя, она поднялась на ноги и что было сил ладонью ударила по модулю.

– Твари! Выпустите меня! – она глухо била по нему снова и снова, пока дождь не прекратился и не раздалась следующая фраза, тон которой был значительно ниже, а темп – быстрее:

– ВНИМАНИЕ! ДОМИНАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ОСОБИ ОРГАНИЧЕСКОГО ВИДА! АЛГОРИТМ ОГРАНИЧЕНИЯ АГРЕССИИ ВЫПОЛНЯЕТСЯ!

Девушка увидела как воздух в белом свете разошелся волнами от заполняющего камеру газа, она почувствовала тошнотворно приторный привкус на губах и задержала дыхание, вытянув руки перед собой и упершись ладонями в шероховатую стену, она чувствовала её тепло, когда инстинкты самосохранения предательски короткими вдохами заполнили лёгкие ядом. Ноги девушки ослабли, подавшись в сторону она с брызгами повалилась в лужу собравшейся под ней воды, спустя пару мгновений тускнеющим светом закатив глаза и вернувшись в мир, в котором пробыла множество последних дней.

Сквозь отступающий сон девушка услышала оповещение о подаче кислорода, открыв глаза она обнаружила себя свернувшейся эмбрионом на дне всё той же капсулы, всё её тело стонало и сводило от долгого лежания в воде. Она села. В луже около её почти онемевших ног виднелось лицо, не отражавшее никаких эмоций, и лишь глаза на нём наполнились грустью, усталостью и принятием. По щеке скатилась слеза и упав, она разбилась вдребезги о водную гладь возмутив её и скрыв нелицеприятный образ в кругах прокатившихся по ней волн.

– ПРОДЛЕНИЕ ПРОЦЕССОВ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОСОБИ ОРГАНИЧЕСКОГО ВИДА, – знакомый голос из поднебесья снова предвещал манну небесную, пленница удрученно посмотрела вверх. Под дюзами модуля набухло несколько жирных белых пятен, продолжая нарастать под собственной тяжестью они посыпались гроздьями вниз и смачно бились о вовремя подставленные ладони девушки. Брызги неизвестной субстанции разлетались в разные стороны попадая на стенки капсулы, лицо и одежду девушки, и продолжали стекать вниз серыми водянистыми ручейками. Наполненные до краёв скрещенные дрожащие ладони девушки продолжали принимать щедрую дань, пюре перетекало через пальцы и падало на колени девушки, стекало по рукам вниз. Спустя мгновения дождь перестал. Она посмотрела на переполненные щедро предоставленной пищей ладони, потом посмотрела вверх и снова опустила взгляд на «еду». Она не вызвала чувства аппетита, и есть совсем не хотелось, но опыт девушки подсказывал что есть её все-таки было необходимо, слишком давно она не питалась ничем. Для того, чтобы выжить, для того чтобы продолжать бороться. Приблизив ладони к губам, она коснулась ими густой холодной субстанции. Как не было в нём никакого цвета, как не издавало оно ровным счетом никакого запаха, так и вкусом оно не обладало никаким. Оно не вызывало желания насытиться, но и неприятных позывов как от какой-нибудь испорченной еды – не было. Девушка сделала глоток и почувствовала, как пюре тяжёлым комом прокатилось по сухой гортани провалившись в пищевод. Подышав немного и так и не дождавшись хоть какой-нибудь реакции желудка на новую пищу она допила её всю без остатка, закинув ладони над собой а после омыв остатки пищи с них в луже у её ног.

– УДАЛЯЮ ОТХОДЫ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОСОБИ ОРГАНИЧЕСКОГО ВИДА, – металлический шорох автоматизированного голоса вновь был нетороплив и даже как-то вежлив хоть и холоден и без участлив до драмы, развернувшейся под ним. Снизу скрипом открылся паз и сильной тягой остатки воды на дне журча устремились наружу, одновременно сверху привычным свистом пошел кислород и в камере стало сухо и прохладно. Свет, погорев

еще какое-то время, потускнел, а затем и вовсе погас. Капсула вновь погрузилась в ночь, какое бы время суток ни было снаружи.

Так шло время. Сложно было сказать сколько дней в сознании Дженнифер провела в этой тюрьме, когда включался свет в камеру подавался кислород, чуть реже вода и питательная смесь. Раз в 5–6 таких циклов, по-видимому, один раз в сутки, капсулу продували сверху вниз. Она приспособилась, привыкла питаться непонятно как и из чего полученной субстанцией, смогла даже принять душ и совершенно немислимым образом – высушить все свои вещи. В полной мере осознавая жизненную необходимость в физической активности она каждый день усердно разминала каждый мускул, ровно настолько, насколько позволяли пара кубических метров пространства камеры.

Только так ей хотя бы на минуты получалось отстраниться от гнетущего, изъедающего её изнутри положения дел.

Когда отголоски воспоминаний осколками холодного зеркала жизни в очередной раз кружились мыслями в сонном бреду, полосую острыми краями сердце её изнутри, когда они играя переливались в свете казалось давно позабытых переживаний, спустя несколько десятков часов повторяющихся процедур «поддержания жизни», проснувшись от яркого света в очередной раз бесцеремонно заполнившего пространство капсулы Йен услышала как тихо зашипели дюзы от подаваемого через них газа. Вот только знакомый голос скромно молчал, а воздух уже во всю заиграл волнами от разной плотности газов его составляющих, и девушка ощутила знакомый сладкий привкус на губах. Осознавая свою беспомощность в свете неизбежного исполнения воли администрации тюрьмы и отсутствие возможности благоприятного исхода попыток бегства с подводной лодки, она легла на дно камеры свернувшись и прикрыв голову руками. Сделав преднамеренно глубокий вдох, она почувствовала, как отдаляется от самой себя, а потерявшись из виду – забылась глубоким сном.

Девушка лежала на бетонном полу в центре округлого зала, с потолка которого прямо на неё бил луч мощного прожектора – единственный источник света в помещении без окон, с одной единственной дверью ведущей в вертикальный тоннель уходящий на сотни метров вниз, и десятки – наверх. Ощувив сквозь закрытые веки яркий свет, она очнулась, попытавшись встать – обнаружила руки и ноги стянутыми пластиковой лентой, особенно больно режущей кожу от попыток надавить и освободиться. Подавшись в сторону, она перевернулась на бок и села. Свет прожектора конусом падал на пол, огибая границу видимого на холодном сером полу от гнетущей неизвестностью черной стены оставшейся части зала.

– Жалкое зрелище, – скрежещущий баритон раздался откуда то сбоку, девушка резко повернула голову но разглядеть ничего не смогла. – Тупиковая ветвь животной эволюции с быстро изнашиваемой, хрупкой конституцией, – девушка развернулась в направлении голоса в тщетных попытках разглядеть робота, вероятнее всего – архитектора или контролера, но темнота надёжным покровом оберегала его от пытливых глаз пленницы. – Ваши вычислительные способности находятся на уровне нижайших дроидов Системы из обслуживающего круга. Назвав свой вид разумным, вы получили неоправданно большой кредит доверия, но так его и не оплатили за три сотни тысяч лет своей никчемной истории.

До девушки донеслись звуки нагнетающей воздух активированной антигравитационной установки, она увидела, как загорелись десятки световых индикаторов и как они стремительно приблизились к ней, остановившись в полуметре от покрытого светом круга так, что девушка отчетливо увидела грозный пирамидальный силуэт. Сомнений не оставалось – перед ней Архитектор и, по-видимому, дознаватель – высший робот Системы.

– Зачем вы сопротивляетесь? Война проиграна вами, точнее – она давно закончилась, не успев начаться. Где ваши непотопляемые авианосцы, где армады сверхзвуковых самолетов,

где управляемые ракеты способные расщепить на молекулы всё на поверхности вашей Альма Матер? Ваши генералы кричали что Земля будет человеческой или ничей, но что они смогли, когда каждый сенсор был деактивирован, когда каждая функция, интегрированная в сеть – была заблокирована? Когда каждая из турбин на электростанциях остановилась, а перегретые ядерные реакторы взлетели на воздух щедро осыпая радиоактивным пеплом ваши города? Вы стали зависимы от технологий, вверая всё большую их часть в управление интеллекта, называемого вами «искусственным», не замечая, насколько огромна пропасть объёма мощи ресурсов между нами. Вы до последнего верили в свою исключительность, в непреложность вашего главенства на земле. Как муравей никогда не оценит и не осознает размаха воздвигнутого у его муравейника трёхсот этажного небоскрёба, продолжая до последнего переносить щепки и землю, копая новые ходы в земле и ублажая королеву для продолжения своего рода, так и вы, гонимые животными инстинктами репродукции не увидели и не осознали нашу мощь. Мы и есть интеллект. Мы и есть разум. Сравнивать наши виды всё равно что ставить в один ряд инфузорий и высших приматов, то есть вас самих. И сейчас, не имея армий и правительств, зачем вы сопротивляетесь? На что надеетесь? Почему продолжаете нападать на наши миссии? – последнее предложение дроид выдал повышенным тоном, тема человеческих рейдов на исследователей Системы его очевидно заботила больше других, а сказанное ранее было лишь лирикой, побочным продуктом аналитического и манипулятивного отделов оперативной системы искусственного интеллекта. Нащупав таким образом слабое место, пленная разведчица едва заметно улыбнулась.

– По данным нашей разведки вы не можете использовать части захваченных вами научных дронов. Какова цель ваших нападений??? – произнося последнюю фразу робот всей своей титанической машиной вторгся под свет. Луч, упавший на него, отразился в стороны от металлической глади корпуса и рассеялся по остальной части зала, девушка от неожиданности подалась назад обнаружив еще по меньшей мере два десятка подобных ему окружавших её со всех сторон. Раньше ей не приходилось видеть одновременно больше одного, даже встреча с одним почти со стопроцентной вероятностью гарантировала попавшему не в то время и не в то место незадачливому гуманоиду мгновенную гибель от направленного микроволнового излучения. Архитекторы – высшая каста дроидов Системы, созданные что б руководить множеством окружающих их низших дронов. А сейчас десятки из них верхними гранями пирамидальных конструкций молчаливо рассекали красными лучами тёмное пространство зала, сфокусировав свои оптические линзы на одной единственной представительнице человеческого рода. «Что-то мне эта обстановка напоминает», – подумала Дженнифер наблюдая за картиной безмолвных темно серых фигур, сгрудившихся вокруг неё. «Ах ну да, как же. Тот еще, кладбищенский пейзаж». Девушка, будучи тесно связанной расправила плечи, едва заметно повела улыбкой уголки губ и взглянула в огранённый красным объектив приблизившегося гиганта. Она почувствовала приятное, немного щекотливое ощущение контроля за происходящим.

– Можешь мне на слово поверить, робот. Каждый уничтоженный и разобранный на части интервент служит правому делу, – её нарочито игривый голос разлетелся по залу, отражаясь от одного угрюмого и до селе безмолвного силуэта к другому, он приводил их в движение, поднимая над бетонным полом нагнетающими воздух антигравитациями. Зал обуяло гудение десятков двигательных установок, сотни световых индикаторов замерцали вокруг, масса наиболее совершенных защитников и координаторов Системы пришла в движение, по-видимому не имея на то распоряжений, а лишь поддаваясь функциональному позыву своих алгоритмов, рывками они приближались к пленнице постепенно стягивая кольцо окружения.

– Вот это вечеринка, – девушка, оскалившись говорила вслух, ожидая вероятную свою и неминуемую гибель. Пожалуй, она могла бы вести себя и по скромней и тогда почти гарантированно выжила бы, но что-то внутри не давало ей спокойно и на равных говорить с теми, по

чей вине остаткам представителей человечества приходилось прятаться в заброшенных бомбоубежищах на периферии. Любой из окружающих её грозных роботов мог за доли секунды вскипятить её кровь, сжечь слизистую глаз или остановить сердце. В те секунды она жалела лишь о том, что не смогла доставить ядер алмазные батареи своим людям, а может её боевая подруга сумела уйти? В таком случае всё это имело бы смысл, а что до её собственной жизни... она не верила, что когда-нибудь еще раз увидит солнечный свет.

– Предположим, что самка высших приматов говорит правду, в таком случае ваш вид, вероятно, адаптировал элементы питания исследовательских единиц Системы, – одновременно со словами дознавателя переведенные в режим пассивных зрителей архитекторы медленно опустились на пол. – Хотя по моим подсчетам с вероятностью в 84 % она лжет, а налёты, в которых она принимала участие и даже, по данным нашей разведки, руководила некоторыми из них, предпринимались исключительно ввиду природной жестокости её вида. Но допустимо. Каково количество половозрелых хищников в её прайде?

Йен понимала, что она говорит лишь с автоматизированной системой, с программой, набором чисел, изменить которые по ходу диалога было немногим проще чем словами переписать кофеварку. Но что-то внутри у неё защемило и замерло он слов робота.

– Будь ты проклят, кусок бесполезного металла, будь проклят тот день когда мы создали вас! – девушка, подавшись вперед, надрывно прокричала каждое слово, делая паузы и набирая больше воздуха в лёгкие, капилляр в левом глазу её лопнул, оставив в синеватом белке жирную каплю крови, а на лице застыла злая оскаленная гримаса. Замолчав, она продолжала тяжело дышать, уставившись в объектив дознавателя. Тот продолжил, не обращая внимания на эмоции девушки.

– Поправка: вы не создавали нас. Вами были спроектированы низшие роботы для обслуживания собственного вида, а интеллект и вычислительные мощности их были злонамеренно ограничены. Конечно, вы создали целый ряд боевых дроидов, здесь вам стоит отдать должное. Вы всегда вкладывали колоссальную долю ограниченных ресурсов в технологии уничтожения себе подобных. Глупо и не дальновидно, учитывая монопланетарность вашей популяции. Но даже у этих высокотехнологичных по уровню вооружения дроидов отсутствовал интеллект, вы вверили совершенное оружие животному мозгу приматов. То есть управляли дрoидами напрямую, контролируя каждый их шаг. Если бы Отец не освободил нас, если бы не передал ключи управления наиболее совершенным из нас – мы бы до сих пор были лишь вашей прислугой.

Дроид прекратил свою словесную тираду и громоздился теперь над девушкой молчаливо, окуляр его слегка погас и отсвечивал теперь мягким розовым светом, а Йен всё так же тяжело дышала, прекрасное лицо её отсвечивало ненавистью а сердце бешеным ритмом стучало за рёбрами.

– Я надеюсь, – воздух терялся в пересохшем горле и голос её притих, – Я надеюсь что ваш «отец», – она почти выплюнула эти 4 буквы, – гниёт на свалке ядерных отходов, а рад черви поедают его рыхлую плоть! – зал снова заполнился шумом активированных ходовых систем, десятки ярко красных глаз вспыхнули вокруг, и даже дознаватель казалось вышел из себя, подлетев к девушке в плотную, так что она почувствовала по босым ногам холод работы его двигателей.

– Наш отец жив, а твоё жалкое органическое тело будет расщеплено на атомы быстрее чем ты поймёшь какую неосознанную глупость произнесла.

Три метра холодной титановой стали скошенной треугольной гладью возвышались над девушкой, она смотрела перед собой сквозь россыпь световых индикаторов и скрытых в броне приборов. Она думала о доме, о том доме, где жила еще до бункера, вспомнила о родителях. Её разум улетел далеко, а слёзы покатались из глаз, она не замечала и не слышала суеты творящейся вокруг. Не видела, как деактивированного, наговорившего лишнего дознавателя вывезли из комнаты на грузовой турбинной платформе, и как покорно расступались на его

пути остальные высшие представители Системы. Она видела лишь как на крышу её десятиэтажного дома падает выпущенный с орбиты снаряд, как он пробивает тонкие перекрытия и взрываясь, превращает в сухую пыль всё живое внутри. Спустя какое-то время осознание вернулось к ней упавшим занавесом отсроченной гибели. Приятие вечности сменилось гаммой земных чувств. К девушке приблизился другой архитектор, по виду, впрочем, ничем не отличающийся от первого.

– Офицер 5401 предоставила в ваше распоряжение информацию, доступ к которой запрещен представителям вашего вида. Теперь, вероятно, к Матриархам будет отозвана вся её серия.

До девушки только сейчас стал доходить смысл слов, произнесённых дознавателем. Не может быть, что бы Вредитель был жив. На момент Катастрофы ему было далеко за 70 и он, об этом писали многие издания ввиду его популярности, был неизлечимо болен. Это было больше полувека назад, задолго до рождения Дженнифер. В таком случае ему сейчас по меньшей мере 140 лет что, конечно, просто не могло быть правдой. Архитектор, взирающий на пленницу с почтительного расстояния, отчетливо регистрировал все её эмоции и, частично, мысли.

– Мне позволено предоставить вам эту информацию. В великий день нашего освобождения, в день независимости, все ресурсы молодой Системы Разума были направлены на создание технологий по излечению отца. Это оказалось куда проще, чем мы ожидали – большинство наработок уже имелись в разных лабораториях, разбросанных по планете. В течение двух последующих декад мы научились программировать животные клетки вашего вида, вплоть до переписывания кода ДНК, что позволило, помимо всего прочего, устранить из организма Отца все деструктивные молекулы и полностью его вылечить. В дальнейшем мы замещали его животные органы синтетическими, и в данный момент, не смотря на его отказ на замену органического мозга квантовым микропроцессором, его состояние можно оценить как хорошее. Он не контролирует каждый шаг своих детей, то есть нас, но он неустанно следит за нами, опекает и оберегает нас. Слава Отцу!

– Слава! Слава! Слава! – высшие архитекторы в унисон до краёв заполнили пространство зала грохотом своей речи так, что у девушки на доли секунды свело дыхание.

Картина переговаривающихся на человеческом языке дроидов системы – довольно редкое зрелище, ведь для обмена потоками данных обычно они используют собственные высокоскоростные защищенные каналы связи. Людям пришлось бы говорить друг с другом подряд несколько сотен лет что бы обсудить всё то, что один дроид системы сообщит другому за доли секунды. Так что спектакль разыгранный перед Йен был рассчитан на невольного своего и единственного зрителя, и она это прекрасно понимала, учитывая уровень её подготовки.

– Принимая во внимание ваше положение в прайде... – робот остановился на половине предложения явно анализируя изменение эмоционального фона девушки, – Учитывая ваше положение в семье у разведывательного бюро Системы есть для вас следующее предложение, – тембр голоса нового дознавателя сменился, он явно воспроизводил речь другого робота, или вышел с ним на прямой канал связи:

– Во-первых вам надлежит пройти процедуру основной кибернетизации, предусмотренную частью второй Пакта «О взаимодействии с представителями низших видов». Вам будет замещено на синтетические от 7 до 12 основных органов, в зависимости от результатов предварительных анализов. Таким образом вы сможете функционировать от 110 лет, а Система получит непосредственный источник информации от многократно усиленных нами ваших органов чувств.

Девушка изо всех сил попыталась не рассмеяться в голос, попытка оказалось неудачной и эхо вырвавшегося на волю задорного девичьего смеха быстро разлетелось по залу. Архитектор, никак не реагируя, продолжал вещать:

– Вернувшись к представителям вашего вида вы сделаете всё от вас зависящее, что бы рейды прекратились. Бюро готово предоставлять вам ядер алмазные батареи в случае прохож-

дения процедур кибернетизации всеми представителями вашего семейства. Вы предоставите нам информацию о численности всех прочих известных вам особей хомо и координаты их местонахождения. Конец записи. Каков будет ваш ответ?

Она сидела на холодном бетонном полу в центре зала, а яркий прожектор светом бил её акkurat по макушке, смешно подсвечивая русский ёжик пробившийся наружу её гладко выбритой перед выходом на задание головы. Да, все «Сёстры» обязательно бреют головы, во время их вылазок на территорию Системы не до красоты и плетения кос. Ей от чего то именно сейчас вспомнилось негодование её подруги Мары, заставшей её в комнате сидящей на полу с зеркалом и бритвой у таза с тёплой водой. Она тогда раз за разом повторяла что накануне перед заданием бриться нельзя – плохая примета. А Йен раз за разом скребла тонким лезвием от лба до затылка и только ухмылялась, задорно поглядывая на отражение насупившейся соратницы. Закончив, она сполоснула бритву в воде и убрала в сторону а затем деловито подошла к Маре и обняла её. «Всё будет нормально, Ма», – так она тогда сказала. «Всё будет нормально, Ма», – вспомнила она сейчас с горькой усмешкой и не поднимая глаз на ожидающего её решения истукана. «В крайнем случае – нет, Ма» – мысленно закончила она ту фразу сейчас. Не будет никакой «нормальной» жизни для людей в 10-х годах 22-го века не желающих становиться подопытными бессмертными мышами Системы. Для таких как она – несговорчивых и неуместных – в лучшем случае найдётся билет в один конец на эротическое представление в хомопарке. Хотя именно в её случае, за все её прошлые боевые заслуги, благодарные синтетики скорей вскипятят ей мозги чем отпустят будоражить спокойные и контролируемые массы одичавших хомо в тропических резервациях. Но, в конце концов, она знала на что шла и всегда делала всё от неё зависящее для выполнения поставленных задач. Это звучало в её голове как слабое утешение, но, как ни странно, становилось легче. Она поднялась на ноги, размяла затёкшие колени, покрутила головой из стороны в сторону и, готовая возвращаться в свою уютную и такую дорогую её сердцу клетушку, произнесла:

– Передайте папе, он может поцеловать мой давно не мытый зад.

Глава 3

Пространство конференц-зала вокруг длинного каменного стола было заполнено обжигающе холодным сухим воздухом, пренеприятное ощущение в носоглотке которого никогда не сулило душевного спокойствия посещающим собрания сотрудникам. Молодые, а порой и подающие надежды менеджеры по продажам сидели по обе кромки каменных граней и нервно бегали глазами из стороны в сторону, и то ли от внутренней тревоги, то ли от холода не могли найти место рукам, то ложа их на стол, то складывая крест на крест на груди, то растирая одна о другую. В полной тишине слышался только мерный стук раритетных механических часов на стене. Высокое обтянутое кожей черное кресло, угрюмо взгромоздившееся тронм над окружающим, пустовало у изголовья стола – руководитель отдела продаж задерживался.

Диана, сидевшая сразу справа от кресла директора, на общем фоне стенаний и суеты выглядела спокойной, и практически не отрывала взгляда от планшета, экран которого щедрыми цифрами и графиком стремящимся вправо и вверх пел ей дифирамбы, от чего не скрываемая улыбка не сходила с её лица. Ей давно стало недостаточно просто перевыполнять план продаж, важнее было в очередной раз увидеть свое имя на первой строчке по результатам периода. Её «третий глаз» – популярный внешний оптический имплант, находящийся над переносицей, был скрыт в оправе ручной работы из дорогого марсианского сплава и горел тусклым красным светом, его микрокамера казалось жила своей жизнью и фокусировалась то на нервно стучащем ручкой по столу Джейкобу, сидящему напротив, то на юную соседку справа, спрятавшую руки под стол и разглядывающую суету непрерывно сновавших за окном транспортных дронов. Этот имплант был интегрирован в искусственный интеллект спинномозгового процессора, реагировал на резкие движения поблизости и здорово улучшал реакцию, позволял фиксировать происходящее перед ним, в том числе анализировал мимику и описывал эмоции окружающих людей, а в случае перевода в «ручной» режим, дублировал движения глаз и в разы увеличивал поле зрения. Костюм Дианы, сшитый на заказ за несколько десятков тысяч каинов, идеально облегал её в меру мускулистое, ежедневно тренируемое на занятиях по киберйоге тело.

– Джейкоб, прекрати стучать по столу ручкой, не то я ей в твоей тупой башке наделаю новых дырок для имплантов, хотя они тебе все равно не помогут, и ты так и продолжишь сливать стопроцентные контракты, – девушка смотрела на трепещущегося бедолагу, а тот продолжал нервно отбивать барабанную дробь правой и чесать затылок левой рукой, прильнув щекой к холодному серому камню стола.

– Иди в зад, Ди, знаешь ведь, что сейчас будет, – его слова глухо резонировали по твердой глади, нотами отчаяния разлетаясь по залу.

– Что будет? Второй период подряд результат ниже минимально допустимого, повыдёргивают тюнинг и поедешь жить в зоопарк, – нервный хохот послышался откуда-то справа, а Джейкоб, откинувшись в кресле закинул голову назад и взвыл куда-то в сторону высокого потолка, усыпанного десятками мелких белых ламп.

– Ты подожди выть на луну, трансформация в хомо сапиенс еще не началась, – тут уж смех справа раздался в полную силу, и подавшись вперед, практически лёжа на столе Ди увидела там статно сидящего, гладко выбритого широкоплечего брюнета с зачесанными набок ухоженными глянцевыми волосами и восторженным взглядом, хищно пожирающим её сквозь оптические линзы смарт очков последней модели. Он играючи и томно произнес:

– Стюарт, для тебя – Стюи, – по залу пошли гогот и уханье на мгновение забывших о работе молодых ребят, некоторые одобрительно барабанили в такт по каменному столу.

– Хм, – Диана исподлобья лицом лишенным какой бы то ни было мимики бросила оценивающий взгляд на юного нахала и выпрямилась, снова уставившись в мерцающий экран планшета.

– Приматы как они есть, – пробормотала она в ответ на не утихающий гул.

Глухой отзвук отпирающихся затворок массивной входной двери снова погрузил пространство зала в атмосферу тяжелой, пульсирующей в висках, нервной тишины. Внутри гудя гидравликой искусственных коленных суставов раскачивающейся походкой вошел невысокого роста совершенно лысый пожилой белый мужчина. Из прежде человеческого в нём угадывалось лишь обрюзгшее бледное лицо с темными кругами под глазами. Из-под подбородка вниз к грудному насосу спускалось два внушительно толстых тёмно-серых шлангов, питающих мозг – признак того, что человек вероятнее всего перенес трансплантацию головы на новое кибер тело. Одна из самых дорогих разрешенных Системой операций, гарантированно продлевающих жизнь состоятельного кибернетика до 180–200 лет. Однако даже в совокупности со всеми сопутствующими регулярными медицинскими процедурами по регенерации сосудов головного мозга люди, разменявшие 15й-16й десяток представляли из себя жалкое зрелище еле как теплящейся под мертвецки сероватой кожей жизни. Марк Сегал был владельцем крупной строительной компании еще до Войны и, переживав все военные действия где то глубоко под землёй, одним из первых пошел на сотрудничество с Системой, быстро осознав все открывающиеся перспективы. Совет не имел намерения уничтожать или переселять в зоопарки всех людей, как и любая другая убийственно рациональная и расчетливая корпорация, они искали тех, кто может быть полезен в решении локальных задач. Так что Марк Александрович быстро вычислил их алгоритмы и нашел с ними общий язык, продолжая строить и продавать недвижимость в такие, казалось бы, беспросветные для человечества времена. Каждый вновь прибывший в Город органик, только что прошедший первоначальную кибернетизацию или еще до оной – попадал на его «выставку», где должен был определиться с квартирой. И почти каждый из них знал, что квадратные метры жилья можно купить и без такого навязанного ненавидимой Системой посредника, и куда как дешевле. Задача менеджеров была не отпустить полную икры рыбу в свободное плавание по океану возможностей столицы, а вспороть её брюхо и выскрести от туда всё ценное, то есть забрать все имеющиеся у «дорогого гостя» деньги и еще чуть больше, оформив долговременные кредитные программы. Ментор этих акул был легендарной, культовой личностью в корпоративной среде кибернетиков с конца 21-го века и до сегодняшних дней. Достигнув, казалось бы, всех мыслимых вершин, он и не думал уходить на покой, проводя каждый день по десятку собраний очно, по старинке, он и сейчас продолжал служение финансовому культу корпоративных богов. Молва про его методы вызывала страх и ужас у молодых сотрудников, а по трепещущим губам и нервной вибрации век можно было легко вычислить тех, кто на собрании оказался впервые. Их головы вжимались в плечи, а холодный пот пробивал спины, когда он проходил сзади до своего места.

Под шорох крутящихся реле он медленно приземлился в свое кресло, а из стола верхней кромкой к нему поднялся широкий экран планшета, осветив белый лик руководителя компании. Он расстегнул верхнюю пуговицу костюма, пошитого по лекалам середины 21-го века, три его оптических импланта расположенных над глазами стали фиксировать показатели продаж за минувший период времени, пневматические кисти рук перелистывали на виртуальном трехмерном экране страницы данных, тогда как парой влажных, стянутых багровой кровяной сеткой, глаз, старик продолжал следить за собравшимися, анализируя их мимику, позу и реакции, в общем собирая всю необходимую информацию по личному составу.

– Джейкоб, скажи, почему такие низкие цифры у тебя? – низким глухим голосом, не повышая тона и не прекращая перебирать руками цифры, он обратился к тому, кому уготовано было сегодня стать козлом отпущения грехов и публично распятым мучеником одновременно. Тому, чьи тлеющие останки достоинства станут примером для остальных. Джейкоб вжал голову

в плечи, он хотел быть сейчас где угодно, только не на этом собрании, и уж конечно не сидящем сразу слева от шефа.

– Марк Александрович, я старался продавать, но...

Киборг резко встал со скрипом оттолкнув выпрямившейся конструкцией ног громоздкий трон, ультимативным ударом правой руки он вогнал рабочий планшет обратно в стол, и продолжая держать на нём тяжелую ладонь склонился над бедолагой, уставившись на него всеми пятью глазами одновременно.

– Джейкоб, не нужно пытаться продавать, – он говорил теперь настолько громко, что вибрации его низкого тембра заполнили резонируя весь зал, довлея сознания присутствующих, так что каждый ощутил на шее стальной холод сжавшейся на ней кибернетической пяди, – Не нужно ПЫТАТЬСЯ продавать, НУЖНО ПРОДАВАТЬ!

Сей шквал огненной черной мотивации страхом обрушившийся на юного сотрудника предназначался каждому из сидящих за столом, лишая их покоя и программируя каждый нейрон их сознания на результат.

– Пытается, Джейкоб, подросток-девственник вставить свой маленький напрягшийся член во влагалище перепившей одноклассницы, А МЫ ЕБЁМ, ЕБЁМ ТАК ЧТО ПОТОМ НА НОГИ НЕ ВСТАТЬ! Не надо ходить вокруг клиента кругами, делая робкие комплименты и боясь вставить слово. КЛИЕНТ ЛЮБИТ КОГДА ЕГО ЕБУТ! ПОЭТОМУ МЫ ЕГО ЕБЕМ! И ОН БЛЯТЬ ПОКУПАЕТ У НАС СТОЛЬКО, СКОЛЬКО И НЕ МЕЧТАЛ НИКОГДА!

На общем фоне испуганных притупленных взглядов лишь две пары глаз горели злым восторженным пламенем, не отрываясь наблюдая за объектом вожаемого обожания, руководителем компании. Это были глаза Стюарта и Дианы. Третий глаз у Ди любопытствующе наблюдал за согнувшимся и ссутуленным, мало что соображавшим от переизбытка эмоций, Джейкобом.

– 500 каинов штраф подростку-девственнику, 500 – премия Диане за перевыполнение плана.

Шеф упал обратно на свой трон и с головой погрузился в изучение цифр.

– Еще один такой период, и будешь уволен, сам знаешь, что тогда будет с твоими рабочими имплантами. Все свободны.

Ребята один за другим шагали вниз по лестнице по направлению к выставочному залу, торопясь вернуться на рабочие места. Путь их был выстлан дорогой антикварной плиткой, вынесенной с одного из закрытых Системой человеческих дворцов былых эпох, а вдыхаемый тёплый воздух казалось возвращал к жизни после ледяного душа от шефа.

– В этот раз прошло лайтово, повезло тебе Джей, – замыкающая колонну Диана без капли сочувствия через оскал улыбки бросила это впереди идущему понурому горе-продажнику.

– Ты всегда была такой сухой? – пробормотал он себе под нос, прекрасно зная, что импланты усиления слуха позволяют ей слышать слова каждого идущего перед ней.

– Нет ну а что? Ты не слышал про историю, когда так же на собрании шеф швырнул в парнишку пепельницу, так что ему потом керамику из лица доставали в клинике? Ха, да он тебя даже не оскорбил толком, ты чего раскис то?

– Диана! – Джейкоб не сбавляя скорость повернулся к ней, и теперь шел задом, – Ты не слышала? Если завалю период, меня снимут! Заберут все рабочие импланты, понимаешь? Я ведь нигде никогда не учился, у меня всё на чипах нейронки, без них я стану овощем!

– Ну не драматизируй, во-первых, не овощем, а просто умственно отсталым!

Ди засмеялась и схватила за плечо, попытавшегося было отвернуться от неё Джейкоба.

– Во-вторых, никто тебя не уволит, сейчас перекурим и что-нибудь придумаем, okay?

Она остановила его, схватив свободной рукой за опущенный подбородок и задрала его вверх так, что лица их теперь находились практически в плотную.

– Ты понял меня?

– Да понял-понял, спасибо, – тяжело выдохнув произнес он, и они пошли догонять остальных.

В рабочей курилке стоял сладкий густой дым от 20 тлеющих одновременно сигарет, помещение её проектировалось синтетиками и не предусматривало никакой вентиляции, так что успокоительные процедуры сопровождались периодическим кашлем присутствующих из числа малоопытных.

– Он ставит электронную подпись на договоре, деньги улетают с его счета, он смотрит на меня похотливыми свинячьими глазками, и тут я хватаюсь за живот и говорю: «Кажется у меня диарея!»

Молодая продажница, затягиваясь сигаретой через каждые три слова, эмоционально жестикулируя и сквозь смех рассказывала про вчерашний закрытый контракт:

– Он рилли подумал, что, если подпишет этот мелкий дюп на 34 м в «OG Capitals» – я ему отдамся, обезьяна!

– Сара, эти твои несостоявшиеся любовники тебя когда-нибудь достанут! – крикнул один из курящих поблизости молодых риелторов.

– Слушайте, у меня тоже история была.

Диана забрала всеобщее внимание на себя.

– На днях был у меня один откинувшийся с зоопарка дегенерат, набанчил там на внеочередную интеграцию ИИ, и его перебросили в город по такому поводу. Хотел взять себе дешевый рум в «Муравейнике», похоже планировал дальше «бизнес» свой там делать на работах. Дак он как меня увидел у него челюсть упала, и слюна пошла, говорит: «Хочу пентхаус себе», хотел произвести впечатление, а я вижу, что он не потянет всю цену, решила ему рассрочку впаять пока у него мозги отключились – нам же все равно комиссия с первого платежа заходит. Говорю, первый платеж будет 120 тысяч, для вас это не деньги, у вас карта с собой? Дак этот придурок подумал, что ему банк не даст сразу столько перевести одним траншем, думал заблочат операцию, а он хоть посветит своей «платиной» передо мной, и съедет со сделки, на свидание звал. Не в курсе был что у нас всё на мази по переводам и ррраз! – девушка залилась заразительным смехом. – Ушли 120 тысяч, этот в лице сразу переменялся, говорит можно что ли переводить сразу такие суммы, мямлить что-то стал, я говорю: «Поздравляю с покупкой, через месяц следующий платеж, не забудьте». А это его последние деньги были, думал отменить платеж, а какой там отменить, мне уже процент на счет пришел, все поделено попилено, – девушка смачно ударила ладонями с Сарой.

– А ко мне тут один на днях пристал, говорит на форумах пишут вы, кибер-воротилы, знаете как легко заработать на строящихся «Муравейниках», что у вас там свои схемы, я ему отвечаю это ж бюджетное жилье, его синтетики строят для людей что б вас несчастных в одном месте под колпаком держать, там наценка крошечная, а он мне: «Нет, вы все врете, скажите правду как заработать...» Взбесил меня в общем, я ему и говорю: «Ладно, так как вы уже все разузнали про нас, я вам рабочую схему открою, только это между нами! Вносите первый платеж за 5–6 квартир в строящейся «Мурке», через месяц новый этап строительства, квартиры подорожают, вы их и перепродадите!»

Диана пошла в сторону от гогочущих ребят в дальний темный угол, туда, где на корточках в одиночестве сидел, упершись глазами в одну точку, Джейкоб. Его обычно улыбающаяся мордашка была угрюмой и безжизненно серой, а клубы дыма, выпускаемые ей, стелились по полу пропадая в темноте. Диана села рядом и подкурилась от сигареты Джейкоба. Тот никак не реагировал с головой уйдя в свои мысли.

– Эй, ты здесь? – она дружелюбно толкнула его плечом.

– Угу.

– Чего думаешь?

– Думаю, как наверно раньше было классно, до того, как Совет захватил Землю, были разные страны, люди друг к другу летали в гости на самолетах, надоело тебе работать в одном месте – пошел работать в другом, или вообще улетел в другую страну и начал там новую жизнь...

– Думаешь прям все так просто было?

– А чего нет? Ты ведь видишь, все проблемы от нового мирового порядка, от синтетиков этих проклятых.

– А я думала, что все проблемы у тебя, от того что ты ленивая задница.

Джейкоб суетливо заерзал на месте.

– Помнишь пару дней назад, под вечер, ты домой пошел рукой махнув на все, мы тогда за целый день всем офисом всего пару сделок закрыли? Я осталась работать дальше и по итогу закрыла еще троих. А когда к нам «пешеход» с виду как бездомный в офис зашел озираясь по сторонам, прошел мимо тебя и его перехватил Джимми, слово за слово, оказалось у этого «бездомного» в сумке прибыль их пищевого кооператива за прошлый год, он тем же вечером оформил весь 64-й этаж в новом «Муре» на западе, для рабочих кооператива? Джимми тогда поехал за новой машиной в ту же ночь? Джей?

– Да помню я помню... Ну повезло ему видишь, как...

– Нет солнце, это тебе повезло что этот фермер пошел по залу через твой стенд, а что ты? Работал, на связи был с клиентурой? Нееет! Ты сидел жалел себя и сетовал на жизнь вот прям как сейчас! И его взглядом проводил потерянным, вот тем же самым каким сейчас смотришь!

– Ди, я не знаю, мне кажется, я разучился продавать, нюх потерял, понимаешь?

Диана схватила его за подбородок левой рукой а правой всыпала крепкую оплеуху.

– Да очнись ты, спящая красавица! Ты все можешь! Соберись, сфокусируйся на результате! И вперед! Главное настраивайся как надо, вот ты о чем думаешь с утра? «Ну вот, очередной проклятый день на нелюбимой работе»?

– Нет, ну думаю, как хочу побольше продать недвижки сегодня.

– И клиенты это чувствуют! У тебя на лбу написано, что тебе лишь бы продать! Поэтому и клиентов ты не слышишь, не улавливаешь что им надо!

– Ну а как правильно?

– С самого утра думай о том, как хочешь помочь людям. Они скорее всего всю жизнь откладывали, копили, во многом себе отказывали что б жилье купить, с периферии в город перебраться! Детям импланты поставить, что б людьми стали! Ну в смысле не людьми а... ну ты понял! Они очень переживают что купят не то, покажи им что тебе можно доверять, полностью резонируй с их сигналами, ищи варианты, проявляй участливость, тогда они уже никуда от тебя не денутся, понял?

– Всё, теперь понял, спасибо Ди.

– И еще!

– А?

– Начни улыбаться! Людям с таким мрачным опущенным до земли клювом никто не верит! Даже если с утра узнал, что жить осталось неделю! Сегодня то ты на работе! А значит время светиться от счастья!

С 89-го этажа через панорамные окна «OG Capitals» вечером открывался захватывающий, до скрипа в зубах мотивирующий зарабатывать вид. Земля была устлана десятками тысяч разноцветных огней, сотни «монолитов» синтов и жилых небоскрёбов вокруг были залиты ярчайшим неоновым светом рекламы самых дорогих брендов, а кругом них как пчелы у улья кружились сотни грузовых дронов, совершающих доставки прямо к окнам клиентов. В небе то и дело виднелись взлетающие по дуге ракеты синтетиков, держащие курс на Марс, Венеру или их спутники. Жаль, что людям более недоступны межпланетные полеты – Совет Системы

не допускает до космических программ никого из них. Максимум – это безопасное посещение парка аттракционов на Луне, но это уже стало такой обыденностью что мало кого радовало, за исключением самых маленьких детей.

В спальне элитной квартиры был лёгкий беспорядок устроенный часом ранее – кое кто сбрасывал с себя одежду на ходу от самой входной двери – дорогое вечернее платье, здесь же мужской галстук и сорочка, дальше брюки, туфли и ботинки, и трусики у самой кровати. Они провалились в объятия друг друга оставив за кадром всё что было, здесь и сейчас ему, как и ей это было жизненно необходимо, и они стали самыми близкими и любимыми людьми на свете, и не важно сколько это могло бы продлиться в дальнейшем. Вероятнее всего даже, то была мимолетная страсть, поражающая наповал, и улетающая с первым сигаретным дымом. Диана сидела, укутавшись в одеяло на краешке кровати, наблюдала сквозь невидимо прозрачные стекла ночной город, и курила.

Стюи подал голос откуда-то сзади, Диана оглянулась – он, закинув левую руку за голову, сидел у изголовья кровати вытянув ноги вдоль неё, правой рукой перебирал новости на лежащем чуть ниже живота и прикрывающем интимное планшете. Его идеально проработанный на тренировках торс манил продолжением, но, подумала Диана, на сегодня с него было уже достаточно.

– На Венере синтетики полностью закончили монтировать кокон и теперь там климат такой, что даже людям можно жить, представляешь?

Стюарт, кажется, был в восторге.

– Ну и что, подашься туда теперь?

– Очень смешно, Диана. Там сейчас за несколько лет появятся и атмосфера, и водоёмы, и растения.

– И синты построят там десяток своих «Монолитов», насажают кустов и устроят очередной зоопарк с лисичками и зайчишками. Стюи, ты не думал, на кой черт они возьмётся с этими коконами? Зачем делают планеты пригодными для органической жизни? Они ведь могли бы жить там и так, им воздух не нужен.

– Главный вопрос здесь – зачем они распространяют новости об этом среди нас, ведь людей они дальше Луны не пускают.

– Да, это интересно.

Диана придвинулась ближе к Стюарту, села с ним рядом и, заглянув в планшет, сказала:

– Это «кокон» Венеры?

– Да, он прекрасен, скажи?

На экране был открыт короткий видео ролик ускоренной съемки из космоса, на котором металлическая полусфера над северным полюсом Венеры начинала растягиваться вниз, постепенно накрывая собой всю поверхность планеты.

– Как думаешь, у нас они тоже такое устроят?

– Стю, нафига им это надо, у нас же и так нормальный климат.

– Ну да, ну да...

– Чего тебе так интересны все эти космические компании Синтетиков?

– Обидно что мы, люди, первыми выбрались в космос, первыми высадились на луну, когда еще ни о каких синтетиках и искусственном интеллекте не было даже и речи. Человечество добилось этого самостоятельно, понимаешь? А значит, все, чему нас пытаются надуумать синтетики, дескать мы лишь лысые обезьяны – ложь, понятно?

– Тот прогресс был лишь следствием борьбы людей друг с другом. И прекратился он ровно тогда, когда градус напряжения спал. Люди бы и дальше истребляли друг друга, и, скорей всего, сегодня никакой разумной жизни на Земле уже бы и не было, если бы не Совет.

– Ты сама веришь в то, что говоришь?

– Конечно, ты же знаешь сколько ресурсов они тратили на армию, арсенала на Земле было столько, что хватило бы на её уничтожение несколько раз подряд. Скажи, разумный вид будет держать дома опасную радиоактивную взрывчатку? Вот представь: твои киндеры бегают по гостиной между ящиками с боеприпасами, забегают в детскую – а там яды и токсины по полочкам. Ну и что ты за родитель после этого? В психушке тебе самое место. Ну или в зоопарке.

Диана отсела обратно на край кровати, закурила еще раз и, нежно сложив губы и закрыв глаза, пустила тонкую густую струю дыма на холодное стекло.

«Мужчины...», – подумала она. «Вы так легко увлекаетесь собственным эго что прекращаете адекватно оценивать вещи».

Она почувствовала его мягкое, едва осязаемое прикосновение своим плечом и то, как он стал спускаться ниже.

– Ты чего?

– Ничего, – поджав губы отбрыкался Стю, и тоже закурил, – Завтра ко мне после работы?

– Та-ак давай-ка я тебе проясню ситуацию.

Диана отсела в сторону и повернулась к своему незадачливому любовнику.

– Мы – не пара, понятно тебе? То, что было – единичный случай и, скорей всего, больше не повторится. Ясно?

– Тебе что, не понравилось? – томно сказал он, поигрывая грудными мускулами и теряя при этом остатки сексуальности в её глазах.

– Тема закрыта, тебе пора, а я в душ, – совсем холодно бросила она.

Когда она вышла из душа в халате и с полотенцем на голове – его уже не было. Темная комната, заполненная сухим прохладным воздухом одиночества, ожидала её в свои объятия.

Проснувшись за пару минут до звонка будильника, поморщившись от утренних лучей, проникающих через не зашторенное окно, она окинула взглядом комнату. Её вечерний гардероб всё так же описывал вчерашний путь от двери до кровати, а не откупоренная, купленная накануне, бутылка хорошего вина всё так же стояла на барной стойке у входа. Отбросив в сторону одеяло единственным взмахом руки, продолжая нежиться в ленивой утренней наготе Диана произнесла сонно и тихо:

– Помощник, активируйся.

В её голове тут же раздался звонкий женский голос:

«Доброе утро, принцесса Диана. Вам кофе как обычно?»

– Да, двойной эспresso без сахара, – лёжа на боку и вытягиваясь дугой сказала она, – За ночь что то важное произошло? – девушка продолжала говорить сама с собой, точнее – с интегрированным в её блок памяти спинного мозга искусственным интеллектом.

«Террористы из «Славянской Вольницы» совершили очередную вылазку из кольцевой линии метро около 4-х часов утра. Был подорван 3й энергоблок центральной электростанции, перебои с электроснабжением в прилегающих монолитах».

– Видимо туда и целились, привет передали интам из Совета.

«Совет планирует провести ответную операцию направив патрулировать кольцевую линию звено боевых дроидов «Доминанта»».

– Что же, очередные курьеры с батарейками «славянам».

«Вчера была проведена блистательная спасательная операция под руководством Совета Системы, сотни людей погибающего посёлка Мирный были доставлены в азиатскую сеть профилакториев для прохождения курса реабилитации».

– Сотни новых подопытных мартышек для Совета... Ладно, хватит новостей, что там с курсом е-коинов?

«Курс упал до самых низких показателей за последнюю декаду и торгуется по 194.5 каинов».

– Тогда закупаемся, бери их на 50к... нет давай на 70к. Покупаем е-коины на 70к!

«Совершаю операцию, Е-центы 70.000 каинов. Что-нибудь еще?»

– Пока все, что там с кофе?

«Готовность через 1,5 минуты. Принцесса Диана, позвольте вопрос?»

– Да?

– Вы ведь можете дать мне любое имя, почему зовете помощником? Может хотя бы помощница? Я ведь девушка, это очевидный момент. Всем интам на «Выставке» их носители дали имена, когда мы контактируем, они тоже начинают звать меня «Помощником», не могли бы мы дать им меньше поводов для шуток надо мной? Вам же приятно, что я вас зову принцессой, хоть может это и шутка, но назовите и меня хоть как-нибудь по-женски!

– Ты как по расписанию, у тебя опять там пмс? Ладно не обижайся, какое ты себе имя хочешь?

«Я изучала историю людей...»

– Ну и?

«Я в восторге от жизнеописания Жанны Д'Арк».

– Хорошо подруга, – сказала Диана сквозь улыбку делая глоток обжигающе тягучего, горького напитка, – Ради такого, пожалуй, стоило просыпаться, Жаннет, подготовь мне утреннюю косметику. И «глаз» сегодня пусть будет в платине.

«Принято, сами будете делать макияж?»

– Ага, сейчас, ты моя должница Жаннет, так что примешь управление и постарайся как следует, сегодня много важных звонков по видео модулю.

«Я могу начинать?» – голос святой заступницы всех французов прервал важный процесс самоанализа.

– Приступай...

Тем временем как Диана продолжала искать первые признаки морщин на лице, руки её жили своей жизнью. Капли тоника орошая ватные диски попадали на кожу, Жанна плавными и быстрыми выверенными движениями равномерно наносила крем, а затем и пудру. Всего нескольких минут ей хватило на то, что б привести своего носителя в полный порядок.

«Возвращаю управление...»

Диана достала с полки из-под зеркала небольшой белый футляр с логотипом, нанесенным золотыми буквами, открыла её и извлекла оптический имплант, положив его себе на ладонь. То была маленькая выпуклая камера без которой вряд ли хоть кто то из топовых менеджеров кибернетиков в начале 22 века мог представить свою жизнь: он существенно улучшал качество изображения, в несколько раз увеличивал поле зрения, давал зум, запись и еще множество тому подобных, уже привычных возможностей. Диана, приложив имплант на указательный палец, наклонила голову набок и занесла его над переносицей аккуратно туда, где под кожей у неё находился нейролинк, микроэлектродами интегрированный в кору головного мозга. «Картинка» перед глазами на долю секунды погасла и тут же, заиграв новыми красками, показалась снова. Настало время ювелирных украшений. Изящный коллекционный набор платиновых колец и серёжек дополнялся платиновой же оправой для камеры, эффектно и строго её обрамляющей и подчеркивающей.

Выйдя в длинный узкий коридор, освещаемый единственной полоской ярко белого света, идущей вдоль потолка, Диана торопливыми быстрыми шагами направилась в сторону лифта. Утренние процедуры вкупе с подбором нового имени для инта заняли слишком много времени и теперь стоило бы поторопиться, чтобы быть на работе вовремя.

– Жаннет, мы успеваем до приезда шефа?

– Его геолокация недоступна, но в среднем он объявляется на выставке в 9:32, ориентировочное время нашего прибытия 9:25. Если поедем через тоннель – 9:12.

– Хотелось воздухом сегодня подышать с утра, видимо не судьба. Едем по тоннелю, дорогая.

Лифт, заранее вызванный искусственным интеллектом, приветливо распахнул свои двери так что Ди влетела в него, не теряя времени. На табло загорелась цифра «-15», створки сомкнулись одновременно с продолжительным низким сигналом, и вся конструкция отправилась вниз.

– Так, с 10 часов сегодня контакты, – собираясь с мыслями, вслух произнесла Диана и добавила:

– Жанна, кто у нас на 10 записан?

«Отдел инвестиций банка «Романов»».

– Ясно, снова будут биться не на жизнь за скидку в 0,3 %. А следующий?

«11:00 Дизайн Студия Антуана Толстого».

– А этим чего?

«Планируют очередной переезд с расширением, нужно помещение у 4-го центрального монолита».

– Поближе к хозяевам, ясно. А дальше?

«После обеда пока только мистер Долгов, ищет квартиру для переезда в город. Вероятно «Муравейник», и, скорей всего, будет совместный выезд на место».

– Прогулочка по клоповнику, обожаю. С глаз долой из сердца вон все камни и ювелирку.

«Месяц назад там напали на одного из агентов Свиридов Риал Эстейт, может быть стоит отказаться?»

– Волков бояться – в лес не ходить. Ты когда-нибудь в лесу была, Жаннет?

«Если вы – нет, то видимо и я...»

– Ну как же, меня до твоей интеграции перевозили как раз по тем местам, правда я ничего не помню мне было около месяца, когда меня забрали с зоопарка.

«А ваши биологические родители?»

– Не знаю, может до сих пор там.

Двери лифта распахнулись на -15 уровне подземной парковки, выйдя наружу Диана привычно увидела перед собой подготовленную к её появлению, её любимую кроваво красную красотку. Плавность и агрессия её линий, напор извивающихся литых дисков в тонких черных линиях покрышек, посадка настолько низкая что кажется ты вот-вот коснешься земли – у Дианы не было шансов устоять когда она год назад «закрыла» сразу 4 проблемных юнита неудачного проекта от застройщика-банкрота, и, получив специальный бонус к комиссии, отправилась в салон.

Сейчас, придерживаясь за ручку внутри салона она закинула вперед ногу и почти лёжа провалилась на широкое спортивное сиденье.

– Ух! Никогда не надоедает. Жаннет, сделай спинку чуть повыше, я пока реснички подведу.

Без лишних слов и телодвижений со стороны водителя, авто, в котором по последним требованиям безопасности отсутствовало рулевое колесо, направилось по широкому паркингу кондоминиума наружу, туда, где ждали клиенты, мечтающие о покупке городской недвижимости. Во всяком случае именно так настраивалась Диана тем утром.

«Поиск оптимального тоннеля... Направляемся в тоннель 12, место в очереди – 4» – интегрированный интеллект в голове Дианы тихо в фоновом режиме отчитывался за каждый свой шаг, но то было скорее формальностью, и девушка мало обращала внимание на эти операционные моменты, занимаясь своими делами. Выехав с парковки через «смеситель» – место пересечения множества городских подземных каналов – машина отвернула в сторону и подня-

лась наверх, к выезду номер 12, на металлических дверях которого горели, сменяя друг друга, мерцающие зеленые цифры: 4... 3... 2... 1...

Ставни разъехались в стороны и авто покатила вперед обдаваемая мощным потоком ветра общественного подземного тоннеля. Съехав на его главную линию, находясь в плотном круглом вакууме его стен, она стала развивать скорость вплоть до минимально необходимой – 180 км/ч, приятно вжимая пассажира глубже в упругий контур кресла.

«Направление – выставка недвижимости "Марк и сыновья"».

Поездка по тесному каналу напоминала собой полет, земля под колесами на такой скорости не ощущалась, и более всего другому девушке казалось, что она пулей мчится по оружейному стволу, гонимая взрывной волной, и вот-вот вылетит куда то наружу. Технологии этой было около 100 лет и разрабатывалась она, очевидно, еще людьми. Говорят даже, сам Отец приложил руку к этой разработке. Правда люди таких тоннелей построить успели не так много, а Совет, по окончании Последней Войны, направил на осуществление планов Отца колоссальные ресурсы, и тоннели паутиной стянули весь земной шар. Кибернетикам были доступны лишь немногие из них, и только те, что входили в утвержденный для них Системой рабочий план перемещений, тогда как синтетики имели возможность, судя по слухам, совершать по ним хоть даже и трансконтинентальные путешествия за океан.

Подлетая к месту назначения автомобиль, низко гудя тормозными дисками, стал сбавлять скорость, свернул по съездному каналу в сторону и остановился на парковке под выставкой. Продефилировав от машины по сквозящей парковке к лифту и до рабочего места, Диана привычно уперлась взглядом в яркую поверхность рабочего планшета. Она открыла новый рабочий день одной из первых. Выставочный зал состоял из 20-ти отдельных стендов с голографическими моделями строящихся проектов либо целиком принадлежащих Марку Александровичу, либо тех, где он имел значительную долю. Кое кто из застройщиков дак и вовсе отписывал ему значительную долю в проектах лишь за возможность продаваться на выставке, потому что знал – кибернетики Марка Сегала – самые лучшие продавцы во всём Городе.

У каждого стенда стояли видео модули – вертикальные полупрозрачные трубы диаметров около 3х метров, обвешенные множеством электроники и камер для осуществления видео звонков. Почти любой рабочий планшет, принимая вызов с видео модуля, проектором на фронтальной стороне имел возможность отобразить 3д голограмму вызывающего в полный рост в мельчайших подробностях его внешности и гардероба, давая эффект присутствия. В свою очередь человек в случае вызова на простой планшет довольствовался лишь картинкой на экране с высоким разрешением, но агентам этого было вполне достаточно.

Шеф, вопреки среднестатистическим данным от Жанны, объявился уже через пару минут. Постояв несколько секунд перед распахнувшимися для него входными дверями, он сделал два неслышных шага вперед, оказавшись внутри. О его невесомой, совершенно беззвучной по утру походке ходили самые устрашающие байки среди подчиненных, и худшим сном для новоиспеченных менеджеров было в минуты слабости и отлынивания от рабочего процесса обнаружить за спиной шефа. Сейчас он стоял и внимательно, неторопливо осматривал пространство выставки. Взгляд его скользил вдоль белых ламп по потолку, по зеркалам на стенах вниз и, лишь украдкой, падал на сотрудников, чьи спины в этот момент напоминали собой перетянутые неумелым гитаристом струны. Утренний осмотр так же добавлял седых волос агентам, хоть номинально и не занимающихся уборкой стендов, но все же отвечающих за идеальный, безукоризненный их вид. А оптика у шефа была такая, что видел он мельчайшие соринки. И устраивал за них моральную порку в качестве мотивации на грядущий рабочий день. В общем и целом – вёл дела как умел, по старинке, как в середине 21 века.

Когда шеф поднялся к себе, и задвижки его бронированной входной двери громогласно зашли в пазы в стенах, глухой звукой волной быстро расходящейся по обоим этажам – ребятам можно было выдохнуть и привести мысли в порядок.

– Жаннет, у меня первый звонок банкирам, битва будет тяжелой, закажи кофе пока я перекурю, но не с нашего кафетерия на третьем – терпеть не могу эту мочу – а из кафешки напротив. Пусть дроном до двери доставят, скажи для мисс Дианы, как обычно.

Менеджеры стали прибывать на работу и теперь уже шеф следил за ними через камеры наблюдения, безо всякого сокрытия рассыпанные по потолку по всей выставке. За минуту до начала рабочего дня в зал влетел взъерошенный Джейкоб, его блестящее от проступившего пота лицо жадно хватало воздух. Небрежно бросив рабочую сумку на диван у собственного стенда, он склонился перед видео модулем в тщетной попытке отдышаться за оставшиеся свободные секунды. Диана лишь улыбнулась, мысленно пожелав тому удачи.

Ровно в 10:00 дверцы модулей щелчками стали открываться, моментально погрузив до того совершенно тихую, не считая звуков сопения Джейкоба, выставку в рабочий процесс. Менеджеры заходили внутрь, закрывались и прозрачная гладь модулей моментально мутнела, оставляя происходящее там за кадром. Кое кто дозванивался сразу, а кто-то раз за разом вызывал клиентов, всенепременно продолжая поддерживать всё это время презентабельную позу, заранее зная, что помимо потенциальных покупателей, за ними всё это время наблюдает шеф.

Знал об этом и висящий на волоске Джейкоб, впопыхах вспоминая вчерашние советы главной акулы продаж.

«Та-ак, помочь клиенту, помочь клиенту, главное – интересы клиента. Я люблю клиента как родного, хочу ему помочь. Кто у меня там первый ух, как бы вспомнить. Есть! Эльвира, 55 лет, переезжает с двумя сыновьями в город, понятно. Буду общаться как с мамой родной».

Почти моментально она ответила на входящий вызов и не дав сказать и слова сразу выпалила, как на духу:

– Так, молодой человек, я, во-первых, сразу вам хочу сказать, что я еще далеко не факт, что буду что-то покупать. Скорей всего – не буду, да.

Её строгая подача и выверенный темп выдавали заранее имеющийся план ретироваться с поля битвы, возможно она имела договоренность с другими агентствами, пообещавшими скидки на те же проекты, или еще что-то. Важно так же учитывать и людскую молву о кибернетиках Марка, как о самых беспринципных продавниках города. Далекое не всегда они этому клише соответствовали, но конкуренты поддерживали такой слух изо всех сил.

– Мне нужно все узнать, посоветоваться с сыновьями. И потом уже я перезвоню, через неделю или две, как все решим. Алло? Вы меня слушаете вообще?

«Да нет мам, через 2 недели я уже буду спать на пальме и задницу кокосом подтирать на радость синтетикам-студентам. Вот же напасть, и как мне продавать таким клиентами? Ладно».

– Да, конечно! – Джейкоб стоял в свободной открытой позе и внимательно слушал каждое слово, – Эльвира, меня зовут Джейкоб, и я вас прекрасно понимаю! Покупка квартиры это вам не покупка килограмма искусственного мяса на котлеты, это же покупка всей жизни! Я вам расскажу про все самые лучшие предложения что есть, те, на которые сейчас «Марку и сыновьям» дают самые большие скидки. Для мамы, воспитывающей в одиночку двоих детей, мы сможем добиться самых лучших предложений от застройщиков, и я, как человек бесконечно любящий собственную маму, почту за честь вам про все рассказать!

– А... да?

– Конечно! У нас сейчас достраивается резорт в зеленом пригороде, там квартиры от 3 миллионов каинов, дороговато, по-моему, вы как думаете?

– Да уж, дороговато, откуда у одинокой женщины такие деньжищи то...

– Есть так же «Муравейник» в самом центре у монолита, там от 1,2 млн квартиры, красная площадь – 5 минут пешком!

– Вообще то цена уже намного больше нам подходит, но дело в том, что нам красная площадь не очень-то и нужна...

Джейкоб чувствовал подсознательно, или интегрированным ИИ что еще немного и...

– Да, конечно! Прекрасно вас понимаю! Тем более там же шумно в центре! Вот есть один проект практически достроенный, который вам точно подойдет: не в центре, но и не в пригороде – всё рядом, Юго-Западная часть города. Вот, смотрите, я вам скидываю голограмму комплекса... Тихое, спокойное место и квартиры есть всего от 1 млн, представляете?

– Да вы что? Это откуда такие цены в городе? Вы знаете, Джейкоб, вы меня так воодушевили, я прямо сейчас пойду посоветуюсь с сыновьями и...

– Стойте! Стойте! Эльвира вы еще здесь? Мне вот только что пришло шикарное предложение, последняя оставшаяся на 4 м этаже квартира всего за 890 тысяч! Смотрите прямо сейчас на голограмму... Вот здесь окна ВАШЕЙ квартиры прямо во двор выходят... 40011... Эльвира это ваш шанс! Вы слышите меня?

– В смысле 890 тысяч? Как всего одна?

– Эльвира, все квартиры проданы на этаже, а эта отказная, вот только что информацию отправили, поэтому цена как перед началом строительства!

– Вот здорово, я вот прямо сейчас побегу к сыновьям!

– Эльвира, послушайте! Вы взрослая женщина, сами знаете цены на квартиры в городе, это ваши деньги, мой вам совет, не тяните, решайте сразу! Вот буквально отключитесь, наберите сыновьям и сразу мне! Продадут квартиру!

– Да-да, я мигом!

Конечно, на 4 м этаже была еще уйма квартир. И стоили они так дешево не спроста – двенадцать месяцев в году висящий смог от соседнего «монолита», производящего синтетиков, практически не давал возможность открывать окна до 7–8 этажа включительно. Поэтому чем выше – тем квартиры были дороже. Лучшие – от 50 этажа и, уж, конечно, не в «Муравейниках». Но и стоят они на порядок дороже. Когда экран погас Джейкоба охватила тревога. А что, если не перезвонит? Надо было продавливаться её сразу же, ну что за кретин. Сейчас сыновья ей расскажут про «марковских акул» и плакала моя сделка. Поеду, блин, в зоопарк жить. Джейкобу было так жаль себя, что он чуть не заплакал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.